

НЕКОММЕРЧЕСКАЯ СЕМЕЙНАЯ БИБЛИОТЕКА

ФОНДА ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖНЫХ ИНИЦИАТИВ «ТАТЬЯНИН ДЕНЬ»

Александр Лепетухин

ХЕХЦИРСКИЕ СКАЗКИ

*Смешная и правдивая история дружбы
сказочных зверей и двух девочек*

ЗАО «Московские учебники – Сидипресс»

Москва

2011

Литературно-художественное издание
для детей и юношества

Александр Лепетухин

ХЕХЦИРСКИЕ СКАЗКИ

Редакторы: Зенкин А.А., Зинченко А.И.
Корректор: Игнатова Т.П.

Макет предоставлен автором

Изд. лиц. ЛР №071850 от 19.04.99 г.

Подписано в печать 30.06.2011 г. Формат 60x90/16
Бумага мел. Печ.л. 8,5 Тираж 1000 экз. Заказ № 150
Печать офсетная. Гарнитура NewtonС

Лицензия ПД № 00693 от 24.07.2000 г.

Отпечатано в ЗАО «Московские учебники-Сидипресс»
125252, Москва, ул. Зорге, 9А
Контактные телефоны: 957-01-86, 735-40-69, 8-499-943-23-07

От автора

Когда у меня появилась дочка Настя, я стал рассказывать ей перед сном сказки про зайца Петровича и его друзей.

Герои сказок и некоторые их приключения достались по наследству второй моей дочке Маше.

Большинство тех сказок давно забыты, но некоторые запомнились. Я их записал и зарисовал, чтобы они поселились в этой книге.

Конечно, это детские сказки, но поскольку над ними смеялись мама моих девочек и многие мои друзья, их могут прочитать взрослые. Те, которые не забыли своего детства.

А. Лепетухин

ПЕТРОВИЧ

Петрович — заяц. Он на Хехцире живёт. Хехцир — заповедник. В нём последние дикие звери от дачников прячутся. Они живут без клеток совсем свободно. Каждый в своём уютном домике. У Петровича, например, домик с ушами на крыше, чтобы сразу было видно — заячий домик.

Была у зайца Петровича большая, настоящая любовь. Он любил капусту. И поэтому иногда он наведывался на человеческие дачи. Он не был вором-вредителем. Ну, отломит от капусты листик, другой... Кто от этого обеднеет? Но совесть его всё-таки мучила. Даже сны совестливые ему снились: про то, как его поймали...

Однажды случился у Петровича сильный приступ любви. Прискакал он на чью-то дачу. Отломил капустный лист, закрыл глаза от наслаждения и захрустел. Быстро так: хрум, хрум, хрум, хрум... А когда открыл глаза — увидел девочку. Девочка во все глаза смотрела на Петровича.

Петрович так испугался и застыдился, что неожиданно для себя сказал человеческим голосом:

— Здравствуйте!.. Я только один листик.

— Ничего, ничего, — ответила девочка. — Ешь на здоровье.

Ты кто?

— Я? Я заяц Петрович, сын зайки Пети. А ты кто?

— Я Настя, папина и мамина дочка... Петрович, давай играть?

— Давай. Только я не умею.

— Ты бегать и прятаться умеешь?

— Умею.

— Тогда давай в прятки играть!

Мама сказала Папе:

— Что-то наша Настя сегодня очень весёлая. Целый день визжит, смеётся и бегает.

— Пусть веселится, лишь бы клубнику не потоптала, — ответил Папа сквозь газету.

Это был самый счастливый день и для Насти и для Петровича. И поэтому пролетел он незаметно. Они ещё не наигрались, когда солнце на сопку село.

— Настя! Настя! Пора домой ехать! — крикнула Мама.

— Настя! Живей! Скоро темнеть начнёт, — крикнул Папа.

— Мне пора, Петрович. Не забывай меня.

— Я тебя никогда, никогда не забуду, — сказал заяц Петрович. — Я тебя полюбил, как... как капусту.

— Хочешь, я тебе письмо напишу? — спросила Настя. — У тебя адрес есть?

— Есть! — обрадовался Петрович. — Хехцирский заповедник, домик с ушами, зайцу Петровичу. Я даже почтовый ящик сколочу с дырочкой и напишу: «Для писем от Насти».

— Настя! Да где же ты? — услышался сердитый мамин голос.

— Настя! Мы уже уходим. Догоняй! — крикнул Папа.

— До свидания, — сказала Настя и погладила у зайца уши. — Приходи к нам в следующее воскресенье. Играть будем.

— Приду, — сказал счастливый Петрович.

Настя побежала по дорожке. Пока бежала — три раза оглянулась. И каждый раз видела, как всё меньше и меньше становился Петрович и как всё сильнее он машет ей вслед лапой.

— До свидания, Петрович!

ПРИКОРМИА

Отправились звери на рыбалку. И заяц Петрович с ними пошёл. Рыбу он не любил, но рыбачить с друзьями ему нравилось.

В рыбалке самое главное что? Червяка на крючок насадить. А это лапами не так-то просто сделать. А потом? Сиди себе с удочкой, жди, пока рыба клюнет. Сидеть надо тихо и на поплавок поглядывать.

— Что-то не клюёт, — сказал шёпотом Медведь.

— Клёва нет, вот и не клюёт, — шёпотом ответила Лиса.

— А почему клёва нет? — спросил Волк.

— Рыба не прикормленная — вот и нет клёва, — вздохнул Петрович и стал сматывать удочку.

— Как это не прикормленная? Её что, кормить надо? А чем её кормят? — заинтересовались все.

— Кашей кормят. Всегда в одно и то же время.

— Петрович, ты ближе всех к реке живёшь. Будь другом, прикорми нам рыбку, — попросила Лиса.

— Да, Петрович! Прикорми! Будь другом! — стали просить Волк и Медведь.

— Ладно уж, — согласился Петрович. — Через недельку, другую приходите на рыбалку. Увидите, что будет.

С этого дня забот у Петровича прибавилось. С вечера он запаривал большую кастрюлю перловки. А утром на рассвете, строго по часам, шёл кормить рыбу.

— Рыбы, рыбы, рыбы! Рыбы, рыбы, рыбы, рыбы, — скликал он. И большой ложкой спускал в прозрачную воду рыбий завтрак.

Что тут начиналось! Рыбы, большие и маленькие, пузатые и плоские, серебристые и цветные, сплывались на его зов. Они смешно толкались, когда ели, и таращили на зайца удивлённые глаза: «Почему он такой добрый?»

Зайцу понравилось рыб кормить. Приятно о ком-нибудь заботиться. Приятно, когда тебя считают добрым.

— Ну что, прикормилась рыбка? — спросила Петровича Лиса.

— Пока не очень. Через недельку, думаю, как раз будет.

Через неделю пришли звери к Петровичу:

— Ну, как получилось? Рыба прикормлена?

— Прикормлена, — вздохнул Петрович. — Даже слишком.

— Как это — слишком? — удивился Волк. — Объелась, что ли?

— Подружился я, ребята, с этой рыбой. Она меня добрым считает. Спасибо говорит.

— Рыбы говорят? — усомнился Медведь. — Да быть такого не может! Рыбы немые!

— Приходите завтра пораньше, сами увидите. Только удочки не берите.

Утром он примчался с большой кастрюлей на берег, а друзья уже ждут его.

— Рыбы, рыбы, — позвал негромко Петрович.

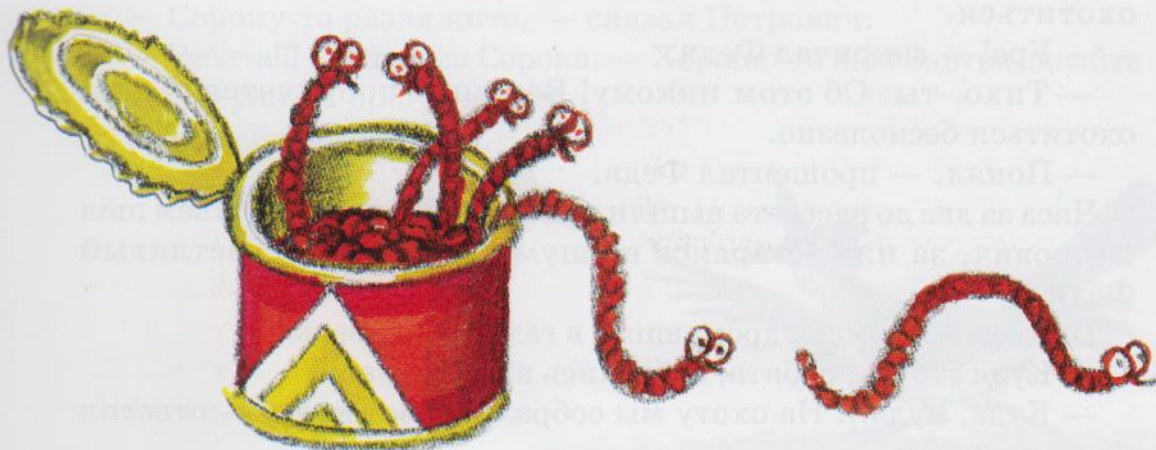
Река мгновенно стала серебристой от рыбы. Рыбы плавали, кружились, выстраивались в какие-то узоры. И вдруг стало ясно, что это не узоры, а буквы. Через всю реку шла надпись: «Доброе утро, Петрович!»

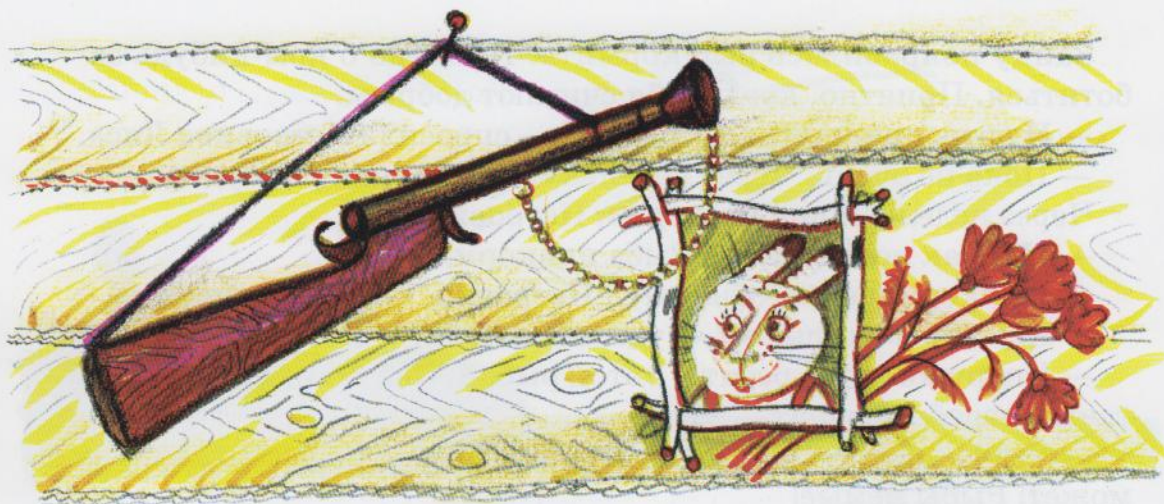
— Видите, — сказал Петрович и смахнул слезу. — Прикормил я рыбу. Полюбила она меня. Как же теперь её ловить?

Звери молчали. У них были открыты от удивления рты.

— Вы уж как хотите, — сказал Петрович, — а только мою рыбу я ловить не дам. Сами себе прикармливайте.

И вдруг рыбы закружились, завертелись и сложили новый узор: «Спасибо, Петрович!»

ОХОТА

У зайца Петровича было ружьё. Оно висело в его домике на стене как украшение. Сам он его страшно боялся, но говорил всем:

— Вот выпадет пороша или выдастся тёплый летний вечерок, я обязательно пойду на охоту.

И все звери слушали его. Все слушали, а поверил только один — кабанёнок Федя, старый приятель Петровича.

— Ну, когда, когда пойдём мы на охоту? — приставал он к зайцу каждый день.

— Сегодня погода дождливая, все следы смыло, — отвечал Петрович. — А сегодня мороз так наст прихватил, что никаких следов на снегу нет...

Так тянулось довольно долго. Каждое утро Петрович просыпался от Феदिного стука в окно:

— Ну, как погодка?

И в конце концов Фебина настырность победила.

— Ладно! — сказал Петрович. — Завтра утром приходи охотиться.

— Ура! — закричал Федя.

— Тихо, ты. Об этом никому! Вся дичь попрячется. Тогда охотиться бесполезно.

— Понял, — прошептал Федя.

Часа за два до рассвета вышли на охоту. Впереди с ружьём шёл Петрович, за ним, стараясь не шуметь, семенил счастливый Федя.

Первым их увидел дремавший в гамаке Медведь:

— Куда это вы, ребята, собрались в такую рань?

— Куда, куда... На охоту мы собрались, вот куда, — ответил Федя шёпотом.

— Можно я с вами пойду?

— Нет уж, — сказал Петрович. — Ты зверь неповоротливый, шумный. Ты нам всю дичь распугаешь.

— Да вы что, ребята! Я очень тихий зверь! Ни одна веточка не хрустнет. Возьмите! А? Что вам жалко, что ли?

— Ладно, — вздохнул Петрович, — что с тобой поделаешь...

И они отправились в глубь леса.

— Вы что, на охоту собрались? — спросила Лиса, выглядывая из своего домика. — И я с вами.

— Вот ещё, — сказал Медведь. — Нас и так уже много.

— Ничего, ничего, — сказала Лиса. — Я вам не помешаю. Я — прирождённая охотница. Заяц знает.

— Ладно, — вздохнул Петрович, — иди. Только тихо иди. И след в след.

Тихо, цепочкой, след в след они пошли дальше.

Падала роса. Светлело небо. Тишина была необыкновенная. Но всё испортил Волк: он тоже увязался с ними на охоту. При этом он долго не мог понять, как ходят след в след. Пришлось показывать.

Начали просыпаться звери и птицы. И всем хотелось на охоту. Сначала Петрович не всех брал, но потом махнул лапой:

— Ладно. Идите. Только тихо, пожалуйста, а то охота не получится.

— Можно с вами на охоту?! — заорала Сорока.

— А вот тебя мы не возьмём, — сказал Петрович. — Ты молчать не умеешь.

— А вы мне клюв завяжите! — предложила готовая на всё Сорока.

Охотились до самого вечера. Тишина в этот день в лесу стояла необыкновенная. А вечером развели костёр, сели кружком и долго смотрели на то, как красные искры перемешиваются с голубыми звёздами.

— Сороку-то развяжите, — сказал Петрович.

— Ребята!!! — заорала Сорока. — Хорошо-то как! Завтра давайте снова с ружьём прогуляемся!

Все с ней согласились.

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Заяц Петрович пошевелил ушами. Закрыв глаза и подтянул одеяло к самому носу. Но сон не приходил. В окно смотрела большая жёлтая Луна. Петрович тоже посмотрел на неё и сказал:

— Хорошо бы эта Луна была не Луна, а Золотая Рыбка, исполнительница желаний. Он закрыл глаза и услышал:

— Тук-тук, Петрович. Тук-тук, Петрович.

— Наверно, Феде тоже не спится.

Но за окном был не его друг кабанёнок Федя, а Золотая Рыбка, очень-очень похожая на Луну.

— Что ты хочешь, Петрович? — спросила она и всплыла в открытую форточку. — Какие у тебя желания?

— Желания? Я хочу, хочу... А ты сколькоразовая?

— Я трёхразовая, Петрович. Могу исполнить три любых твоих желания. Загадывай.

— Три любых? Я хочу, хочу... Хочу с Федей посоветоваться.

— Раз! — сказала Рыбка.

И посреди комнаты оказался Федя. Во рту у него была зубная щётка, а на плече полотенце. Глаза у него были сонные, но потом стали очень удивлённые.

— Петрович! Ты откуда взялся?

— Это не я взялся. Это ты взялся. Тебя Золотая Рыбка сюда заколдовала.

И Петрович рассказал всё, что случилось.

— Понимаешь, одно желание пропало из-за того, что я хотел с тобой посоветоваться! Эта Рыбка слишком быстро исполняет всё, что скажешь. Хорошо бы ты, Рыбка, не сразу выполняла желание, а через минутку. А то пока что-то соображаешь, уже раз, два и всё исполнено. Очень обидно.

— Два, — сказала Рыбка.

— Что два?! Что два?! — закричал Петрович.

— Буду исполнять желания через минутку, не сразу. Осталось ещё одно.

— Ну ты даёшь, Петрович! — возмутился Федя. — Вместо того чтобы пожелать волшебный мешок с желудями, он желает что попало. Представляешь, большущий мешок с желудями и сколько из него желудей не берёшь, он всегда полный.

— Не хочу я никаких желудей. Ничего в них хорошего нет.

— Много ты понимаешь! Жёлуди очень полезные и вкусные, повкусней твоей морковки.

— Ну, Федя! Не ожидал от тебя. Я думал, ты что-нибудь хорошее посоветуешь, а у тебя в голове одни жёлуди.

— Это у тебя в голове одна морковка! Сам два волшебных желания на ерунду истратил, спать не даёт да ещё обзывается. Ничего я тебе советовать не буду.

— Ну, и пожалуйста! И не надо! Обойдусь без твоих дурацких советов. Хочешь спать и спи. Отправляйся в свою постель и дрыхни без задних ног, желудёвая твоя голова. Не хочу с тобой время тратить. Хочу один спокойно выбрать что-нибудь толковое без всяких советчиков. А то, подумаешь!..

— Три! — сказала Рыбка.

— Как три, как три?! А где Федя?

— Федя спит. Прощай, Петрович.

— Рыбка! Рыбка, где же ты?

За окном висела большая круглая жёлтая Луна, очень похожая на Золотую Рыбку.

— Какой обидный сон приснился, — сказал Петрович.

Он показал Луне язык и повернулся на другой бок. Он не видел, что Луна тоже показала ему язык.

НАВАЖДЕНИЕ

Волк сидел возле своего дома и с отвращением смотрел на банку импортных собачьих консервов.

— Федя, — сказал Волк проходящему мимо кабанёнку, — можно попросить тебя об одном одолжении?

— Проси.

— Будь другом, посиди на этом пеньке.

— Зачем это? — подозрительно спросил Федя.

— Для аппетита. Буду эту гадость есть и на тебя посматривать. Раньше мне все эти «Вискасы» и «Чаппи» даже нравились. А теперь замечаю: схожу с ума.

— Как это? — спросил Федя участливо.

— Стало мне мерещиться, что я срочно должен поймать мышь, а то вдруг захотелось на поводке походить.

— Тяжёлый случай, — вздохнул Федя. — Но я тороплюсь. Пусть лучше Лягушка на пеньке посидит. Пока!

Лягушка оказалась очень понятливая. Она стала принимать всякие соблазнительные позы. А Волк с отвращением ковырял ложкой в банке, поглядывая на неё.

Федя бегом бросился к домику зайца Петровича.

— Петрович! — закричал он с порога. — Плохо дело!

— Какое дело? — спросил Петрович.

— Волк меня сейчас хотел вприглядку съесть!

— Вот и на меня он вчера как-то подозрительно пристально смотрел. «Ничего, — говорит. — Я тут под кустиком немного посижу и на тебя, Петрович, посмотрю». Что я ему топ-модель, чтобы глаза на меня пялить?

— Надо к Медведю пойти пожаловаться.

— Не поможет. Даже если получит Волк пару раз от Медведя по шее, разве от этого он станет вегетарианцем? Надо что-то другое придумать.

— Пока мы тут сидим и думаем, Волк...

— Лягушку съел, — сказала Сорока, заглядывая в окно. — Я сама видела. Она была такая молодая. И тоже заповедная. Ведь она в заповеднике родилась.

— Какой ужас! — сказал Федя.

— Теперь она в животе у Волка квакает. Я сама слышала. Жалостливо так: ква, говорит, ква. А Волка совесть мучает.

— Совсем дело плохо, — вздохнул Петрович. — Когда Волка совесть мучает, он звереет. Что же делать?

— Напиши письмо Насте. Пусть она Папу-сказочника попросит что-нибудь придумать, — сказала Сорока.

Петрович быстро накарябал несколько строк на бересте. Сорока взяла её в клюв и полетела. Только она скрылась за деревьями, на поляну вышел Волк.

— Он идёт сюда! — взвизгнул Федя.

Друзья закрыли дверь, окно и притаились. Волк подошёл. Толкнул дверь.

— Ребята, — сказал он, — откройте.

Федя и Петрович молчали.

— Я знаю, что вы дома. Выйдите. Поговорить надо.

— А нам не надо, — не выдержал Федя. — Мы знаем, что ты Лягушку съел. Стыдно!

— Ква-ква, — сказала Лягушка печальным голосом.

Волк стукнул себя по животу. Лягушка отозвалась: «Кв-ой!»

— Не бойтесь, — сказал Волк, — я просто хочу на вас полюбоваться.

— Нет, уж! — крикнул Федя.

— Ну, Федя, — сказал Волк, — ты хоть ножку покажи.

— Ой! Ой! — взвизгнул поросёнок и спрятался под кровать.

— Ах, вы не хотите по-хорошему! — зарычал Волк. — Тогда я за себя не отвечаю!

И он стал толкать и дёргать дверь. Тут ему на голову свалилась большая-пребольшая коробка. И тяжёлая. Волк вытаращил глаза и разинул пасть. Тут же из Волка выпрыгнула Лягушка и быстро-быстро поскакала к родному болоту. Но Волк этого даже не заметил. Он раскрыл коробку и достал записку.

«Для Волка», — прочитал он.

В коробке был бараний бок, специальные волчьи сосиски и другая волчья вкуснятина.

Потом сытый Волк, конечно, извинялся. Он говорил, что это было наваждение.

— Может, витаминов не хватает? — вздыхал он. — Я больше не буду. Простите вы меня, серого.

— Ладно. Чего уж там, — сказал Петрович. — Мы попросим нашего автора, чтобы он почаще присылал тебе такие посылки.

— Вот за это спасибо, — сказал Волк. — Не обижайтесь, ребята, сами понимаете: хищник есть хищник.

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

— Завтра Новый год. Папа, мы поедem к зайцу Петровичу на ёлку? — спросила Настя.

— В лесу, конечно, ёлок много и зайцы встречаются, но там холодно и снега, наверно, по пояс.

— Папа! Папа! Как ты можешь! Ты же обещал! Петрович ждёт нас! Ты же сам его придумал! Он нас любит! Мы в лесу на санках будем кататься, костёр разведём. Мама согласна.

— Ну, если Мама согласна, тогда...

— Ура! Мы едем в лес к зайцу Петровичу встречать Новый год! Ура!

В лес приехали к вечеру. Папа вёз санки, нагруженные всякой вкуснятиной и подарками. Мама несла рюкзак с ёлочными игрушками и новогодними костюмами.

Настя держала в руках кусочек бересты. На нём было написано смешным заячьим почерком: «Как найти домик зайца Петровича в зимнем лесу».

— Вот она, большая ёлка. От неё сто заячьих прыжков налево, а потом всё прямо и прямо, — сказала Настя.

— Нет уж, — сказал Папа, — ты сама по-заячьи прыгай, а мы за тобой нормальными шагами пойдём.

Тихо было в лесу. Падал тёплый новогодний снег. Прямо из ясного неба.

— Воздух какой вкусный! — сказала Мама.

— И совсем, кстати, не холодно, — добавил Папа.

Быстро начинало темнеть. Голубая новогодняя ночь, светлая от звёзд, сделала сказочно красивый лес ещё красивее.

— Всё, — сказала Настя, — план кончился. Значит, мы уже пришли.

— А где же домик зайца Петровича? — спросила Мама.

— Кажется, мы заблудились! — заволновался Папа. — Я же говорил! Нечего ходить в лес на ночь глядя по какому-то ненадёжному заячьему плану. И что, интересно, нам теперь делать?

— Ку-ку...

— Слышите, кукушка, — сказала Настя.

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

— Кукушки ночью спят, — сказала Мама. — И вообще, их зимой не бывает.

— Это Петрович, — обрадовалась Настя, — эй, Петрович! Выходи! Я тебя уже застучала, — и она похлопала по стволу берёзы.

Из-за другой берёзы вышел нарядный, белый Петрович. Он так и сиял при звёздах от счастья. Сиял и стеснялся. Уж очень долго они не виделись.

— Здравствуйте, — сказал он, покраснев, и зачем-то добавил:

— Ку-ку.

Настя обняла его и вдруг заметила, что Петрович стал маленький, почти игрушечный.

— Какая ты стала большая! Ты растёшь?

— Я уже в школу хожу.

— А я тебя всё время вижу во сне маленькой, как мы в прятки на вашей даче играем...

— Потом поговорите, — сказал Папа. — Надо ёлку украшать.

Он открыл коробку с игрушками. Тут же налетели снегири и воробьи. Каждая птичка взяла по игрушке и полетела к большой ёлке в центре поляны. Раз-два! И ёлка украшена. Яркие снегири и сами уселись на ёлку. От этого она стала ещё красивее.

Уже подходили звери. Даже зимние сони медведи и ёжики пришли на ёлку. Даже мышки вылезли из норок. Все лепили снеговиков, делали горки, а Мама раскладывала под ёлкой угощения и подарки.

Волк и Лиса тут же развернули свой свёрток и принялись грызть длинную вкусную колбасу сразу с двух концов. Они торопились, поглядывая друг на друга.

— Да не спешите вы, а то носы друг другу покусаете, — сказала Настя. — У нас ещё колбаса есть.

Подарки были хорошие.

Белки получили блестящие щипцы для орехов. Заяц Петрович — любимые свои хлопушки. Он их называл «хлоп-ушки». Кабанёнок Федя — коробку желудей в шоколаде. Медведи — новые пуховые подушки. Ёжики — справочник съедобных грибов России, издание второе, дополненное. Сова получила будильник.

Папа, наряженный Дедом Морозом, сказал Снегурочке-Маме:

— Лучшего Нового года и быть не могло.

— Да, Дед Мороз, — согласилась Снегурочка-Мама. — Это настоящая сказка.

И все сказочные звери с ней согласились.

— Стойте, стойте! — закричал Петрович. — Не заканчивайте сказку! Скажите, Дед Мороз, а продолжение будет?

— Будет. Обязательно будет. Ведь Настя тебя любит. Она каждый вечер просит новую сказку про тебя сочинить.

— Значит, ещё поживём, ребята, — сказал Петрович зверям. — Будут новые сказки.

ПЕТРОВИЧ И ПРАВДИВЫЕ КУРЫ

— Петрович, — сказала Лиса зайцу Петровичу, — посмотри, какой у меня для тебя подарок.

В лапах Лиса держала корзинку с крышкой, в корзинке что-то попискивало.

— Я хочу тебе цыплят подарить. На время. Пусть у тебя лето поживут, а осенью ты мне их обратно отдашь. Ладно?

— Ой, какие хорошенькие! — обрадовался Петрович. — Раз. Два. Три. А тебе не жалко?

— Да что ты, Петрович! Мы же старые друзья! Ты их только утром-вечером пшеном корми да водички свежей подливай, а червяков они себе сами найдут. Утю-тю, мои жёлтенькие. Утю-тю, мои маленькие. Растите большие и жирненькие. Пока!

Так у Петровича появились цыплята. Он оказался талантливым птицеводом. Давая корм, он всегда учил цыплят уму-разуму:

— Цыплята! Всем и всегда говорите правду в глаза. Кто правду не говорит, тот ничего не стоящий зверь... то есть курица. Поняли?

— Поняли, поняли, поняли, — пищали цыплята и смотрели на Петровича своими круглыми, бесхитростными глазками.

Скоро они подросли и превратились в очень правдивых кур.

— Петрович, — сказала как-то одна курица, — конечно, вы наша приёмная мама, но я должна сказать вам правду: вы неряха, Петрович.

— Да, — сказала другая курица. — Вы хоть помните, когда в последний раз полы в своём домике мыли?

— Посмотрите на себя в зеркало, — добавила третья. — На кого вы стали похожи? Вы, Петрович, совсем опустились.

Петрович глянул в зеркало.

— Заяц как заяц. Бравый вид. Пуговицы только одной не хватает да рубаха из штанов немного вылезла...

— Стыд какой! Какой стыд! Какой стыд! — загалдели куры, и Петровичу почему-то и правда стало стыдно.

— Ладно, куры, идите отсюда. Я сейчас уборкой займусь.

— Петрович, мне кажется, ты обиделся, — сказала первая курица.

— На правду обижаются только гордецы, — сказала вторая.

— Ты сам нас так учил, — добавила третья.

— И-ди-те!!! — рывкнул, с трудом сдерживая себя, Петрович. — Погуляйте по лесу! У меня уборка!

— Всё-таки пробила совесть грязнулю, — сказала первая курица. Вторая добавить ничего не успела, потому что Петрович захлопнул дверь.

Через полчаса пришёл жаловаться Волк:

— Петрович, твои куры обзываются! Что они себе позволяют?! Он заявили, что у меня интеллекта нет! Представляешь?! Может, и правда нет? Ты, кстати, не знаешь, что это такое, Петрович?

— Интеллект? Это то, чем умный от дурака отличается. Только, похоже, что я сам совсем без интеллекта. И зачем я этим дурам мораль читал? С них бы и пшена хватило.

Потом пришёл обиженный Медведь:

— Петрович, уйми своих хохлаток. Они всем в лесу настроение испортили. Сороку до истерики довели. Федю обозвали. Даже муравьёв обидели. А мне сказали, что я уже проспал лучшие годы своей жизни и теперь гожусь только на коврик у порога, да и то — на уличный.

— Ну, всё! — сказал заяц, — моё терпение лопнуло!

— Что? Правда глаза колет? — спросила первая курица, выходя из кустов.

— Вы, наверно, думали, что раз мы ваше пшено клюём, то будем подхалимничать? — спросила вторая курица.

— Не на тех напали, — добавила третья правдивая курица.

Петрович взвыл, крутанулся на месте и куда-то быстро убежал. Скоро он вернулся, но не один, а с Лисой.

— Здравствуйте, Лиса, — сказала первая правдивая курица. — О вашей подлости мы слышаны. И немало.

— Думаете, мы не знаем, что вы нас Петровичу отдали на откорм? — спросила вторая.

— Убийца! — добавила третья.

— Это правда?! — спросил Петрович Лису.

— Так она и сознается! — сказала первая курица.

— Только вы, Петрович, при своей недалёкости ничего не поняли. А весь лес всё лето только и говорит о том, что вы с Лисой задумали осеннее убийство.

— Но не на тех напали, — добавила третья курица. — Мы тоже в заповеднике живём и права свои знаем.

— Клетка по вам обоим плачет... — начала свою речь первая курица.

— Ну, Петрович! — заорала Лиса. — Таких цыплят испортил! Нахалок каких-то воспитал! Видеть их не могу!

— Куда же ты! — крикнул Петрович вслед Лисе. — Они же твои! Забирай!

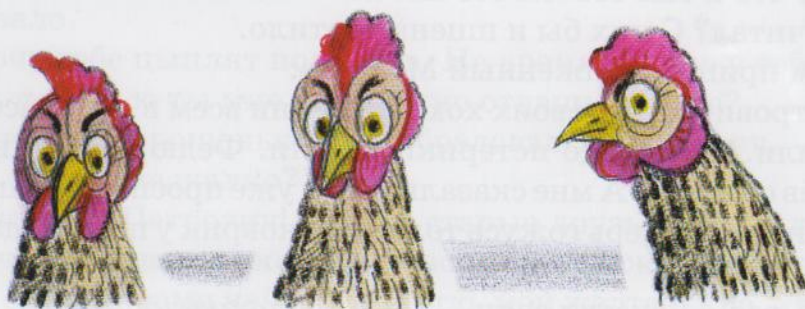
— Кричите, кричите, — сказала первая курица, — так она и вернётся... Вон она уже по мосту скачет, злодейка рыжая.

— Правда — великая сила, — сказала вторая курица.

— Против неё и слон не устоит, не то что лисица, — добавила третья.

— Слон, — повторил Петрович, — слон не устоит... Кажется, придумал, куда вас девать!

— Куда? Куда? Куда?! Куда?! — забеспокоились правдивые куры...

Через две недели звери как обычно сидели на Главной поляне у вечернего костра.

— Скоро осень, — сказал Петрович, — прохладно уже.

— Да, прохладно, — согласилась Лиса. — Пар изо рта уже виден.

— Слушай, Петрович, — спросил Медведь, — а куда подевались твои правдивые куры?

— Да, где эти пернатые нахалки? — спросила Лиса.

— Я их на работу в город устроил. Они в цирке работают. Номер называется — «Правдивые куры-скандалистки». Они там уже со всеми поссорились, но их дирекция всё-таки терпит, потому что народ просто валом валит на представление. Всем хочется посмотреть на этих хохлаток. Талантливые ученики. Моя школа.

Петрович вздохнул и высыпал в котелок горсть заварки. Все стали доставать кружки. Начиналось традиционное вечернее чаепитие.

КАРНАВАЛ

Однажды вечером все звери сидели у костра на Главной поляне и от скуки вспоминали старые сказки.

— Карнавал, — сказала Лиса.

— Что? — спросил Волк.

— Надо устроить праздник — карнавал.

— Хорошая идея! — обрадовался заяц Петрович. — Наденем маски, забавные костюмы, зажжём фейерверк...

— Устроим пожар, — подхватил кабанёнок Федя.

— Устроим пожар, пригласим гостей...

— Пожара не будет, — возразил Медведь, — фейерверк будет на реке. Надо будет сделать праздничное угощение и устроить катание на лодках. Петрович, пригласи Настю с родителями.

— И танцы! Танцы! — закричали белки.

— Я наряжусь Настей, — сказал Федя.

— И я! И я! — закричал заяц Петрович.

— Представляю Настю с пяточком: «Хрю-хрю-хрю!»

— А чем, интересно, тебе не нравится мой пяточок?

— Тихо! Тихо! Итак, в субботу вечером — карнавал. Я отвечаю за фейерверк, — сказал Медведь.

— Квасота! Квасота! — заорали лягушки. — Мы будем солдатами! У нас зелёная форма! Квасота!

В субботу вечером заповедник преобразился. Гирлянды, флажки и блуждающие огоньки украсили Главную поляну и берег реки. Гостей встречала музыка. Здороваясь, гости и хозяева пытались понять кто есть кто.

Всех поразила Лиса в костюме Незнакомки. Она сплела из цветов целый шалаш и надела его на голову. В цветах переливались изумрудным светом светлячки.

— Квакая! Квасота! — восхитились лягушки.

Они сделали себе маленькие фуражки, погоны и маршировали строем по поляне туда-сюда.

Медведь нарядился Папой, а Папа — Медведем. Мама, в костюме жирафы, постоянно их путала. Белки оделись балеринами и скакали как заведённые. Ёжики объявили себя футбольными мячами и всем лезли под ноги.

Настя нацепила усы и большущие уши и стала вылитый заяц Петрович. Федя и Петрович надели косыночки, платица и оба изображали Настю. У Насти-Петровича то и дело из-под косынки выпрыгивало ухо, как антенна, а Настя-Федя смешно прихрюкивал. Но пришёл Волк, наряженный пиратом, и всё испортил. Он ходил по поляне, поглаживая надутое брюхо, и приговаривал: «Федя, Федечка мой». Ему казалось, что это очень смешно. Но Федя заплакал и убежал в самый тёмный уголок поляны. Там его, рыдающего, и нашли Настя с Папой.

— Не плачь, — сказала Настя-Петрович, вернее Петрович-Настя.

— Да-а-а-а! Вам меня не понять. Я поросёнок, а он Волк. И он дразнится-а-а!

— Ну, хочешь, мы сделаем Волка не страшным, — спросил Папа.

— Хочу.

Папа прикрыл свою ладонь носовым платком и сказал: «Раз, два, три!»

Он сдёрнул платок. На ладони стоял Волк. Он был размером с жука. Сначала он ничего не понял. Но когда увидел над собой огромную склонённую федину голову, страшно испугался:

— Я больше не буду, — заплакал он. — Я всё понял! Я никогда не буду обижать маленьких! Я сам теперь маленький!

— Он плачет, — сказал Федя. — Давай простим его.

— Хорошо, — сказал Папа, — но учти, Волк, если ты обидишь кого-нибудь, кто слабее тебя, то сразу уменьшишься.

Волк опять стал большим и очень вежливым. Он даже комарам уступал дорогу, а перед лягушками извинялся. Потом все катались на лодках, украшенных китайскими фонариками, и любовались сказочным фейерверком. Огненные фонтаны превращались в животных и рассыпались искрами. Искры зелёные, красные, жёлтые чудесным образом не гасли в воде, а уплывали вниз по ночной реке.

— Ура! Ура! — кричали звери и гости.

Потом были танцы, праздничный ужин у костра. Настя сняла свою маску. Теперь целых три Насти сидели рядом за праздничным столом.

— Сказочный вечер, — сказала Настя. — Интересно, кто это всё придумал?

— Звери, конечно, — ответил Папа. — Они у меня уже давно сами научились сочинять сказки.

ВПЕРВЫЕ В ГОРОДЕ

Заяц Петрович засобира́лся в гости к Насте.

— Как же ты её найдёшь в городе? — спросил кабанёнок Федя.

— Вот письмо-приглашение. А вот план. Его Настя вместе с Папой рисовали. Смотри, это мой дом. Это автобус. Это настин дом. Вот её окно. В него надо небольшим камешком кинуть. Я своё окно два раза разбил. Тренировался камешки кидать.

— А как же автобус? Разве зайцы в автобусах ездят?

— Ещё как ездят! Мне настин Папа говорил.

Простился Петрович с друзьями. Насыпал в берёзовый тучосочек ягоды — городских друзей угостить и поскакал к автобусу. На остановке стояли дачники, гружённые помидорами. Петрович незаметно в подъехавший автобус запрыгнул. Прошмыгнул мимо ног и помидоров, под сиденье спрятался. Поехали! Вдруг Петрович слышит сердитый голос:

— Передайте на билеты! На линии контроль! Зайцы есть?

— Я заяц! — крикнул Петрович и вылез из-под скамейки.

— Смотрите и правда заяц!

— Говорящий заяц!

— Он, наверно, в цирке работает. Родственников в лесу навещал, — сказала Кондукторша. — Тебе, зайчик, до какой остановки?

— Мне до настиной. Вот план.

— Смотри-ка, — удивились все пассажиры, — в автобусах говорящие зайцы по плану стали ездить.

— Раз ты настоящий заяц — можешь без билета ехать, — сказала Кондукторша. — Я скажу, когда тебе выходить.

— Спасибо, — сказал заяц Петрович.

— Он ещё и вежливый, — удивились дачники.

На настиной остановке на Петровича напала большая-пребольшая, злая-презлая собака. «Фу! Фу! Фу!» — кричал привязанный к собаке человек. Но она его не слушалась, лаяла и мчалась за Петровичем.

Петрович чуть под машину не попал, потом под трамвай, потом под другую машину с мигалкой. Когда он спрятался под кустик и немного пришёл в себя, то оказалось, что плана у него нет! Туесок с ягодами — вот он. А план?! Нету.

Сидит Петрович и плачет. Прилетели к нему городские воробьи-скандалисты:

— Ты что, заяц, плачешь? Наш городской газон поливаешь? Поливаешь? Поливаешь?

— Я план потерял. А без него настин дом найти не могу.

— Сорок! Сорок! Сорок надо спросить! Они проныры, все знают! Знают! Знают!

Прилетели сороки:

— Знаем! Знаем! Настю знаем! Она больного голубя подобрала, вылечила и отпустила. Вот её дом. А вот её окно. Стучи!

Взял Петрович небольшой камешек и метко бросил его в окно. Дзынь! И сразу в окне — настино лицо. Лицо обрадовалось и закричало:

— Ура! Папа! Папа! Петрович приехал!

Петровича усадили пить чай с морковкой. Потом Настя показала Петровичу папины рисунки. Папа у Насти художник. Были там рисунки к сказкам, которые ещё даже не сочинены.

— Как интересно, — сказал Петрович, — узнать, что будет потом. Что скоро про тебя сочинится.

— А теперь давай играть, — сказала Настя.

И Петрович целый день играл в прятки, в пятнашки и прыгал через верёвочку. Это самые заячьи игры. К вечеру Петрович засобирился:

— Домой пора. Капусту надо полить. Да и Федя за меня переживать будет.

Настя с Папой проводили его до автобуса. Папа купил ему билет:

— Теперь ты, Петрович, не «заяц».

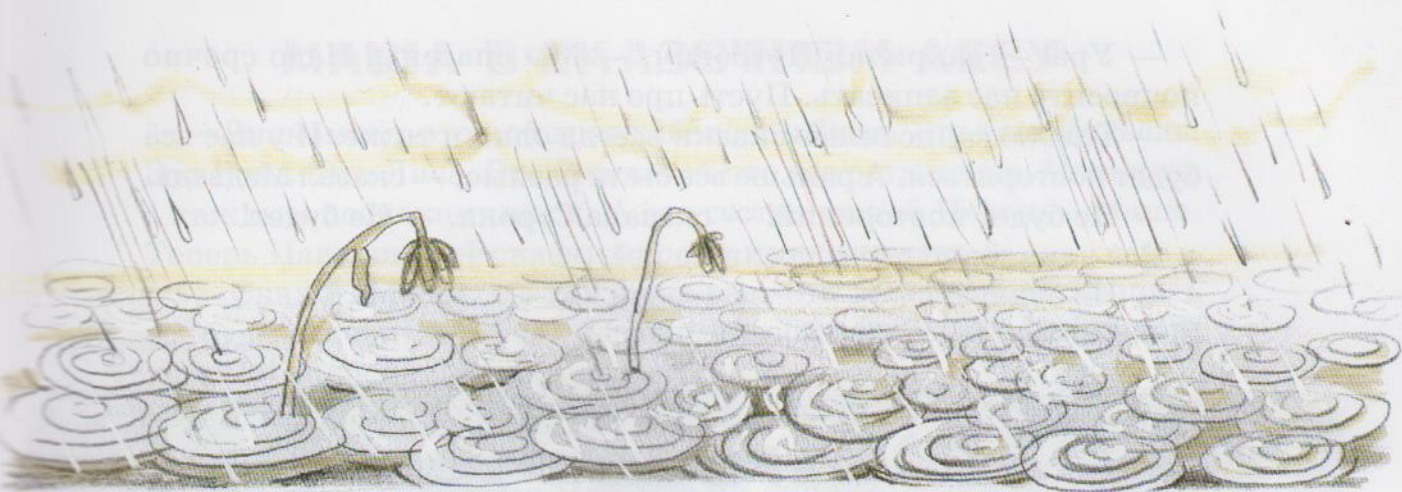
— А кто же я?

— Ты честный пассажир.

— А уши?

— Ты честный пассажир с большими ушами.

Настя помахала Петровичу. Автобус закрыл двери. Бибикнул. И повёз зайца Петровича домой в Сказочный лес.

ЗАБЫТЫЕ

Петрович стал вялым и прозрачным. Сквозь него просвечивали деревья. Это кабанёнок Федя первым заметил. Но и сам он, Федя, стал каким-то бесцветным и прозрачным, как осенний ледок в луже. Весь Сказочный лес и все его обитатели незаметно таяли. Настроение у всех было печальное. И погода испортилась навсегда.

— Я всё понял, — сказал умный Федя своему другу зайцу Петровичу, — про нас забыли!

— Как так забыли?

— Мы же придуманные сказочные герои из Сказочного леса. Нас настиг Папа вместе с Настей сочинили. А теперь Настя подросла и больше не вспоминает нас. Вот мы и таем. Забываемся. Когда нас совсем-совсем забудут, мы исчезнем. Навсегда.

Петрович заплакал. Ему стало страшно. Он не хотел исчезать.

— Не плачь, — сказал кабанёнок Федя. — Мы обязательно что-нибудь придумаем. Надо собрать Большой Совет.

Вечером все звери собрались у неяркого, негреющего костра. Они жались друг к другу и жаловались, что всем стало почему-то плохо.

— Даже аппетита нет, — вздохнул Волк.

— Мёд и малина совсем безвкусные стали, — сказал Медведь.

— И снег никак не выпадет, и солнца нет, и хвост у меня стал серый, — пожаловалась Лиса.

Когда Федя и Петрович объяснили, в чём дело, Медведь сказал:

— Надо, чтобы нас записали.

— Как это? — спросил Волк.

— Куда? — спросил Петрович.

— Если нас запишут, то уже не забудут. А если нас напечатают, то и другие папы и мамы прочитают про нас своим детям. И мы заживём лучше, чем прежде.

— Ура! — закричал Петрович. — Мы спасены! Надо срочно попросить нас записать. Пусть про нас читают.

— Только записанные сказки всегда одни и те же. И у нас всё будет повторяться. А раньше все были разные, — сказал Медведь.

— Не будет повторений! — сказала Сорока. — Не будет!

Все удивлённо посмотрели на неё.

— Не будет!!!

— Почему?

— Потому что у Насти сестрёнка Маша родилась! А это значит, скоро совсем новые сказки начнутся! Лучше прежних!

— Ура! — закричали все. — Да здравствует Маша!

— Как же тогда сказки будут называться? — спросил Петрович. — Раньше были Настины. А теперь — Машины?

— Это как-то нечестно, — сказал Федя.

— Я придумал, — сказал Медведь. — Они будут называться «Хехцирские сказки».

— Скорей бы Маша подросла, — сказал Петрович. — Мне кажется, я её уже очень, очень... люблю.

Он застеснялся и покраснел. И все увидели, что Сказочный лес опять стал цветным и праздничным.

МАША В СКАЗОЧНОМ ЛЕСУ

— Знакомься, это мой друг кабанёнок Федя. Это наш Медведь. Это Волк. Это Лиса. Это Сорока. А это все остальные. Потом ты с каждым познакомишься. А это сестра нашей Насти — Маша. Теперь Папа для неё сказки про нас придумывает.

— Скажи, Маша, ты тоже раз-раз — и вырастишь? И опять мы будем ничьи, забытые сказочные звери из забытого Сказочного леса? — спросил Федя.

— Нет, нет. Я ещё долго буду сказки про вас слушать. Мне нравится быть девочкой.

— Расскажи нам про Настю. Как она поживает? — спросил Петрович.

— Ах, она уже совсем большая. У неё много друзей! Ей приходится каждый день ходить на дни рождения. Она всё время занята.

— Бедная Настя, — вздохнул Петрович, — у неё совсем нет времени. Вот видите! Я же говорил, что она не виновата! Ну, ничего, когда-нибудь её друзья разъедутся или заболеют. И тогда она про нас вспомнит. И, может, даже на минутку заглянет к нам в Сказочный лес.

— Ты передай Насте, что мы её не забываем и любим, — сказал Волк.

— Мы помним всё-всё. И сами теперь рассказываем про Настю сказки, — загалдели все.

— Ну что вы всё про Настю да про Настю. Давайте лучше играть! — предложила Маша.

— Не обижайся. Ты теперь наша главная девочка и мы твои сказочные звери. А во что мы будем играть? — спросил Петрович.

— Может, в охоту?

— А может, в то, как Петрович рыбу прикормил?

— А может, в плохую погоду?

— Как это в плохую погоду? — спросила Маша.

— Однажды Папа стал рассказывать Насте сказку, но она заснула, и Папа остановился на словах «А потом пошёл дождь...» — стал объяснять Медведь.

— Дождь у нас пошёл. И шёл, шёл, шёл, ведь продолжения сказки не было! — перебила его Лиса.

— Всё от дождя промокло. Речка сначала надулась, стала выпуклой, а потом разлилась. И начала подбираться к моему морковному огороду.

— Надо что-то делать! Почему сказка дальше не рассказывается? Мы же все там утонем! Спасайся кто может! — закричали все.

И вдруг правда хлынул дождь! Река сначала надулась, а потом побежала во все стороны, как чай из переполненной чашки.

Минута — и все оказались на острове, который становился всё меньше и меньше.

— Надо срочно строить плот, — сказал Медведь. — Главное, чтобы не было паники. Мы обязательно спасёмся.

— Петрович, неси скорей верёвку!

Звери быстро-быстро связали несколько брёвен. Все уселись на них, а река не заставила себя ждать. Секунда — и они уже плывут по морю!

— Смотрите, вон там кустики! Плывём туда! — крикнула Маша.

— Это не кустики, а верхушки деревьев, — ответил Медведь, стараясь перекрыть шум воды.

— Смотрите, они уже исчезли. Теперь до горизонта одна вода, — вздохнул кабанёнок Федя. — Что же мы будем теперь есть?

— Что, что, — проворчал Волк, — когда проголодаемся, тогда и будем решать, кого съесть.

— Миша, а Волк на меня опять с аппетитом посмотрел, — пожаловался Федя.

— Ребята, — сказал Медведь, — не будем ссориться. Это самое плохое, когда во время наводнения начинают ссориться.

— Надо придумать, как спастись, — сказала Лиса, стараясь прикрыться от дождя хвостом.

— Не бойтесь, — сказала Маша, — я с вами. Я сама придумаю хороший конец сказки.

— С-ско-р-рее придумывай! — сказал Петрович, — а то у меня з-зу-у-б-б-б на зуб-б-б от холода не поп-п-падает.

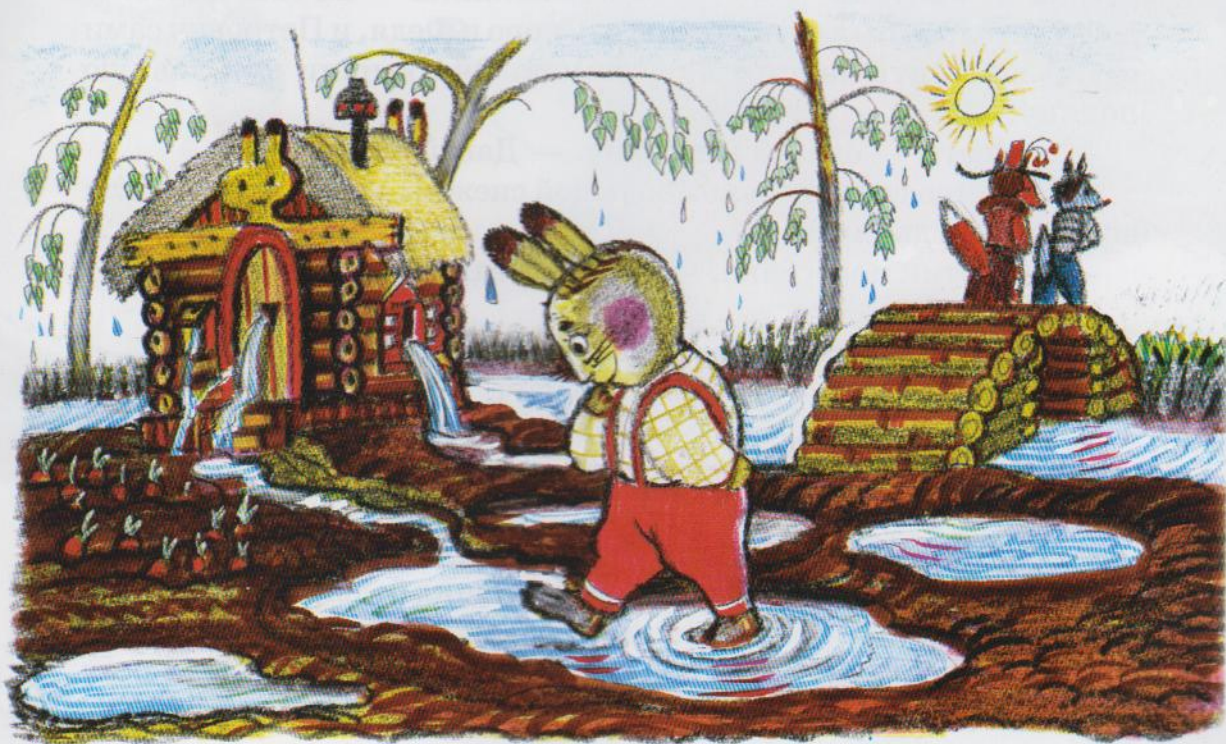
— Шёл дождь, шёл и вдруг... перестал. И выглянуло Солнце! Такое большое и яркое! — крикнула Маша.

И точно! В тучах образовалась квадратная дырка, и из неё выглянуло сияющее Солнце. И вся вода тут же испарилась! Всё забурило, покрылось паром, и плот полетел вниз. Хлоп-шлёп! Он упал на Сказочную поляну. Вода ручьями понеслась к реке. И всё. Наводнение кончилось. Как будто и не было.

— Поиграли в плохую погоду, — сказал Петрович. — Теперь надо идти, всё из домика выносить. Сушить постель и зимнюю шубку.

— До свидания, Маша, — сказали все. — Сказка уже кончилась

— А ты, Маша, спи, — сказал Петрович и зашлёпал по блестящим солнечным лужам к своему домику.

ХОРОШИЙ ДЕНЬ

— Петрович! Вставай! Пойдём снеговика лепить! — закричал кабанёнок Федя, врываясь в дом зайца Петровича.

— Зачем? — спросил заяц Петрович и раздвинул уши.

— Настроение такое снеговиковое. Тепло. Снег липкий. Весна скоро. А мы ещё ни одного снеговика не слепили. А потом...

— Ладно. Идём, — сказал Петрович и взял лопату. — А кого мы будем лепить? Зайца?

— Зачем зайца? Поросёнка, конечно! У поросят вот такой животик, такие ушки и такой симпатичный пяточок. Очень красиво и прикольно. А потом...

— Ну, ладно, ладно. Пошли скорее.

Снег падал тихо-тихо. Каждая снежинка — на своё место. И действительно был очень липкий. Скоро и Федя, и Петрович сами стали походить на двух снеговиков. Они вышли на Главную поляну.

— Красота! — сказал Петрович. — Давай здесь.

Они быстро скатали такой большой снежный шар, что не могли его дальше сдвинуть.

— Животик поросёнка, — решил Федя.

— Или зайца.

Сверху они скатали снежный шар поменьше.

— Голова зайца, — сказал Петрович.

— Или поросёнка, — добавил Федя.

Он быстро прилепил к снежной голове снежок и сделал две дырочки.

— Пяточок, — сказал он.

Петрович не ответил. Он в это время лепил большие уши. Тогда Федя немного подумал и слепил хвостик крючком.

— Скажи мне, пожалуйста, друг Петрович, где ты видел таких ушастых поросят?

— А где ты видел зайцев с пяточком?

— Но мы же лепим поросёнка!

— Нет, зайца!

— Поросёнка! Поросёнка! Поросёнка!

Петрович вздохнул:

— Так у нас с тобой, Федя, ничего не получится. Придётся лепить второго снеговика.

— Второго поросёнка?

— Один будет поросёнок, а второй — заяц.

— А третьим будет волк, — сказал Волк. Оказывается, он уже давно сидел на вершине сугроба и наблюдал за спором друзей. Волк быстро-быстро слепил туловище, хвост, голову и занялся отделкой зубов.

Федя и Петрович тоже трудились с увлечением. А когда закончили и оглянулись по сторонам, то увидели, что все-все звери собрались на поляне и лепят снеговиков. И у всех почему-то получаются автопортреты. Даже воробьи всей стаей лепили огромного воробья.

— Я же говорил, что сегодня снеговиковый день, — сказал Федя.

Потом все долго ходили по поляне от снеговика к снеговика и любовались.

— Давайте вылепим Машу, — предложил заяц Петрович.

— И её Папу, — добавил Федя.

— Ну, тогда уж и Маму, — сказала Лиса.

Все дружно взялись за работу. Скоро большой-большой снежный Папа стоял в центре поляны. Он держал под руку снежную Маму. Снежная Мама держала за руку снежную улыбающуюся Машу.

— Скульптурная группа, — сказал Медведь. — Очень похожи.

— Хорошо получилось, — одобрил Петрович, — но чего-то не хватает.

— Может, хвостов? — спросил Волк. — У всех ведь есть хвосты. И он показал на других снеговиков.

— Ты ещё скажи — рогов, — хихикнул Федя.

— Не хватает Насти, — сказал Петрович.

— Но ведь она уже большая-пребольшая и навсегда ушла из нашего Сказочного леса, — сказал Медведь.

— А мы слепим её маленькой. Такой, какой она была, когда впервые появилась в нашей сказке.

— Не получится, — сказала Лиса, — тогда она будет младше своей младшей сестрёнки Маши. А так не бывает.

— Вот и хорошо! В нашей сказке всё бывает, чего не бывает, — обрадовался Петрович.

— Да что там рассуждать? А ну, за работу! — скомандовал Медведь.

Скоро снежная Маша уже держала за руку маленькую-маленькую снежную Настю. В этот момент снег кончился, и выглянуло вечернее солнце. Оно осветило всех снеговиков малиновым светом. От этого все тени стали длинные и синие-синие.

Все вздохнули от такой красоты.

— Жаль, что сказка уже кончается, — сказал Петрович.

— Пойдёмте ко мне греться. Будем чай горячий пить с малиновым вареньем, — предложил Медведь.

Все, конечно, согласились.

ПОЛЕТ ИЗ «ВЕСЕЛОЙ» ЯМЫ

Кабанёнок Федя закончил пить чай, отодвинул чашку и спросил своего друга зайца Петровича:

— Петрович, давно хотел узнать, что за книга стоит у тебя на верхней полке.

— Где? А эта... очень хорошая книга. Я её среди мусора у брошенного костра нашёл. Костёр затушил. Мусор закопал, а книгу домой принёс. Вот как-нибудь выдастся свободный вечерок — прочитаю.

— А сегодня?

— Что сегодня?

— Вечерок у тебя свободный?

— Да, вроде свободный...

Федя быстро вскочил на стул и достал книгу.

— Читай!

— И-О-Г-А, — прочитал Петрович.

— Это, наверно, про Бабу-ягу! — обрадовался Федя. — Читай! Читай! Я очень сказки люблю.

— Да тут везде какой-то голый мужик нарисован в самых разных позах. Вот смотри, как он тут ноги завернул. И улыбка у него странная.

— А что под картинкой написано? — спросил Федя.

— Поза лотоса — основная поза йоги. Закройте глаза. Отключите полностью сознание.

— Ты что-нибудь понял? — спросил Федя.

— Нет, но давай попробуем.

И Петрович ловко закрутил свои лапы. А у Феде ничего не получилось. Его упитанные ножки не хотели переплетаться.

— Ладно, я потом потренируюсь. Ты сознание, Петрович, отключил?

— Угу.

— Тогда дыши носом.

И Петрович стал дышать, а Федя снова принялся за чай с малиновым вареньем. И вдруг после третьей неторопливой чашки он заметил, что Петрович как бы повис в воздухе, а потом плавно-плавно взлетел к потолку и упёрся в него ушами. Он висел в позе лотоса с закрытыми глазами и со странной улыбкой. Висел и слегка покачивался от лёгкого сквозняка.

— Петрович! Что с тобой? — заорал Федя. — Так вот что такое йога! Петрович! Эй, Петрович, у тебя получилось! Открой глаза!

Но Петрович не реагировал. Тогда Федя залез на стол, дотянулся до хвоста Петровича и подёргал.

Петрович медленно открыл глаза. Страшно удивился и рухнул на Федю. А потом они вместе упали со стола на пол.

— Вот это книга! — сказал Петрович, потирая шишку на лбу.

— Пойдём ребятам покажем! Вот все удивятся, — предложил Федя, прикладывая ложку к синяку под глазом.

На Главной поляне ещё никого, кроме Волка, не было. Он сидел в глубокой яме. Орудя лопатой, делал её ещё глубже.

— Привет, — сказал Петрович, — что ты здесь делаешь?

— Секрет. Но вам скажу. Вечером я эту яму ветками замаскирую. Все соберутся, и кто-нибудь в неё обязательно... свалится. Посмеёмся. Здорово я придумал? Даже сам себе удивляюсь. Копаю и удивляюсь. Копаю и удивляюсь.

И Волк снова стал орудовать лопатой.

— Волк, а Волк! Ты бы лучше закопал свою «весёлую» яму, а то сам в неё попадёшь, — посоветовал Федя.

— Федя, это же юмор. Его понимать надо. Ты маленький поросёнок. Куда тебе понять мой прикол. Закопай! Два дня копаю! А тут закопай! Видишь, какая глубокая! — добавил Волк с гордостью.

— Глубокая, — согласился Федя.

— А как ты из неё вылезешь? — спросил Петрович.

— Как, как, а вот так! — и Волк стал прыгать.

Прыгал, прыгал, но до края ямы так и не дотянулся.

— Ребята! Кажется, я уже попал в яму! — испугался Волк. Он сел и завыл:

— Помогите! Я больше не буду! У! У! Я её закопаю! У! У!

— Не расстраивайся! Мы тебе поможем, — сказал Петрович. — Видишь книгу? «Йога» называется. Мы тебя сейчас научим йоге.

— Не хочу йогу. Хочу лестницу-у...

— Да ты не вой, а послушай!

Петрович с Федей рассказали Волку про чудесную позу лотоса, а в доказательство показали свои синяки и шишки. Волк вздохнул, всхлипнул, а потом махнул лапой: «Ладно, давай попробуем».

Не прошло и полчаса, как голова Волка с закрытыми глазами и дурацкой улыбкой показалась у края ямы, а потом он взмыл выше берёз и ёлок.

— Ура! — заорали Федя с Петровичем. — Ура! Получилось! Волк! Волк! Эй, Волк!

Но Волк висел высоко-высоко. Его потихоньку относил ветерком в сторону города.

— Может, в него шишкой кинуть? — спросил Федя.

— Нельзя! Очнётся. Ужаснётся. Разобьётся! — ответил Петрович.

Через несколько минут Волк скрылся за ближайшей сопкой.

— Улетел наш Волк, — вздохнул заяц. — Что же теперь будет?

— Может, полетает, полетает недельку-другую и вернётся?

— Может, и вернётся... если не разобьётся. Да, натворили мы с тобой дел, Федя.

— А что я, что я? Книга твоя, не моя.

Волк вернулся только через месяц. Тощий, ободранный, злой.

— Где был? В городе был. Бродячей собакой работал. По помойкам скитался. Пинки получал. Кое-как дорогу домой нашёл. Спасибо вам! Петрович, принеси свою книжку.

Петрович принес «Йогу».

— Хорошая книга. Большая, — сказал Волк, перелистывая страницы. Потом вдруг размахнулся и забросил книгу на самую середину реки:

— Всё. Хватит. Полетали. Вечером приходите, поможете яму закопать.

И Волк побрёл домой. А друзья так и остались стоять с открытыми ртами.

На краю поляны Волк оглянулся:

— Что стоите? Закройте рты. Сказка закончилась. Пока.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

— Река пошла! Петрович! Река пошла! — крикнул кабанёнок Федя, ворвавшись в домик к зайцу Петровичу.

— Куда пошла? — спросил Петрович, выглядывая из-под одеяла.

— Лёд и река пошли вместе в море! Всё звенит, гремит и вертится! Красота! Вставай, пойдём на речку. Наши уже все там.

Петрович быстро оделся, и они вприпрыжку побежали на берег. А там уже было полно всяких зверей и зверюшек. Все были заняты делом.

Семья медведей устанавливала ульи — домики для пчёл. Ёжики чистили свои иголки после зимней спячки. Белки нашли свой прошлогодний склад и всех угощали орехами. Первая бабочка завтракала, перелетая с первоцвета на первоцвет. Даже Сова таращила свои ночные глаза, стараясь хоть что-нибудь рассмотреть. А Волк с Лисой спорили: кто первый увидел ледоход и всех зимних сонь разбудил.

— Хорошо как! — сказал Петрович, щурясь от яркого солнца. — Давай и мы что-нибудь хорошее сделаем.

— Давай! — сказал Федя и перекувыркнулся через голову. — Ещё? — и он ещё раз перекувыркнулся.

— Нет, — сказал Петрович, — надо что-то хорошее для других сделать. Медведи, вам помочь?

— Спасибо, Петрович. Сами управимся.

— Ёжики, вам помочь?

— Спасибо, Петрович. Не надо.

— Кому же сделать хорошее? — задумался Петрович.

— Я придумал, — сказал Федя, — ты сделаешь мне хорошее, а я — тебе, и получится, что мы оба сделаем другому хорошее.

— Умный ты, Федя. Пойдём, я тебя морковкой угощу. Это будет моё хорошее.

— А потом пойдём ко мне сок берёзовый пить, это будет моё хорошее.

— Здорово мы придумали, — обрадовался Петрович. — Белки! Пошли ко мне морковку есть!

Белки, конечно, согласились, и ёжики — тоже. И Медведь согласился. Даже Волк с Лисой сказали, что им не хватает витаминов и от морковки они не откажутся.

Медведь взял туесок с мёдом, ёжики — сушеных яблок. Все уселись на полянке возле дома Петровича. Пили чай, хрустели морковкой и слушали, как звенит лёд на реке.

Потом Петрович достал инструменты, и они с Федей соорудили восемь домиков для перелётных птиц. Их сразу же со скандалом заселили воробьи.

— Это не для вас! Кыш! Кыш! — кричал Федя.

— Вам чего! Вам чего! — орали в ответ воробьи и обзывали Федю всякими обидными воробьиными словами.

— Это домики для перелётных птиц!

— А мы тоже перелётные! — и они стали перелетать из домиков на Федину голову, а потом на куст и обратно.

— Ладно, пусть живут, — махнул лапой Петрович. — Они и правда немного перелётные. Мы завтра новых домиков настроим. На всех хватит.

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

— Давайте построим большой-пребольшой плот и все вместе поплывём в путешествие, — предложил однажды Медведь. — Посетим соседние сказки, развеемся, позагорает.

— Хорошая идея, — сказал заяц Петрович.

— А как мы вернёмся? Вдруг заблудимся? — забеспокоился кабанёнок Федя.

— Не бойся. На плоту из сказки далеко не уплывёшь. Как только соскучимся — окажемся дома.

Скоро плот был готов. Его украсили флажками, уложили на него припасы, уселись и отчалили. Утро было тихое. Розовое солнце полоскало в реке свой краешек, и он протянулся до самого плота.

— Хорошо, — сказал Медведь, — тихо. Спокойно. Сиди себе и любуйся.

— Квасота! Квасота! — заорали в ответ лягушки.

Но вот знакомые сказочные места кончились и начались русские народные.

Волк зачерпнул ведро воды, чтобы освежиться. В ведре сидела хмурая Щука.

— Выпусти, — сказала Щука, — а то хуже будет.

— А три желания? — спросил Волк.

— Остались только три большие неприятности. Хочешь? — спросила Щука.

Волк быстро выплеснул Щуку в реку. Она показала ему язык и ни за что ни про что обозвала прохиндеем.

— Смотрите! Смотрите! — закричал Петрович.

По зелёной траве катился Колобок. Навстречу ему шёл задумчивый незнакомый заяц.

— Эй, товарищ! — закричал ему Петрович. — Только его песен не слушай! А то укатится!

Но ветер дул навстречу, и скоро слышалось:

— Я Колобок, Колобок, подрумяненный бок...

Над самым плотом туда-сюда несколько раз пролетели гуси-лебеди, что-то внимательно высматривая.

По другому берегу, среди пеньков ковылял Медведь в русской рубашке. За спиной он нёс берестяной короб. Вдруг из короба выглянула Маша. Она улыбнулась и помахала рукой.

— Маша! Маша!! — закричали все звери. Но Маша приложила к губам палец и спряталась в коробе.

За новым поворотом сказочной реки был пляж, на котором одинокая Баба-яга мыла свою костяную ногу. Увидев путешественников, она застеснялась, быстро опустила юбку, запрыгнула в ступу и улетела со свистом.

А в это время на другом берегу большущий серый Котище с дубиной гнался за незнакомой Лисой.

Под мышкой Лиса держала жёлто-красного Петуха.

— Давай! Давай! — закричала Лиса на плоту. — Удирай, подруга!

Кот на берегу нагнулся, поднял камень и ловко запустил в нашу Лису: бац!

— Ой! Ой! — завопила Лиса, хватаясь за глаз. — Я совсем из другой сказки!

— Вот и не лезь! — огрызнулся Кот и скрылся за бугром.

На противоположном берегу шла битва. Бородатый богатырь в шлеме рубил и рубил головы Чуда-юда, но головы тут же отрастали снова.

— Вот так и добро со злом борется, борется, борется, борется... — задумчиво сказал Медведь, открывая банку с малиновым вареньем. Он сделал большой глоток, и банка стала пустой:

— И никак не победит, — добавил он печально.

— А что делать? — спросил Федя.

— А иначе нельзя, — сказал Медведь.

За новым поворотом они увидели нарядный дворец. Из его ворот то и дело выкатывались разноцветные волшебные клубки. За ними во все стороны разбегались царевичи и царевны в железных сапогах.

За дворцом на песчаной косе рос огромный дуб, перевитый золотой цепью. Под дубом сидели дети и слушали сказки. И среди них сидела... Маша!

— Маша! Маша! — закричали опять все. Но Маша даже не оглянулась. Она заслушалась сказками старого облезлого Кота, чем-то похожего на Папу. Кот рассказывал что-то, размахивая лапами и хвостом.

— По-моему, начались сказки Пушкина, — сказал Медведь. Тут же плот качнулся. Вода вспенилась. На берег стали выходить вооружённые дяденьки. Они ярко блестели при вечернем солнце золотой чешуёй.

— Очень впечатляет, — сказал Федя и зевнул.

— Что-то я устал от этих впечатлений. Домой захотелось, — вздохнул Петрович.

Из потемневшей воды выглядывали то черти, то русалки, но на них уже мало обращали внимания.

Вдруг за следующим поворотом все увидели знакомый домик с заячьими ушами.

— Это же домик Петровича!

— Значит, мы вернулись домой!

— Ура!

Первыми прямо в воду попрыгали лягушки-путешественницы, за ними на берег прыгнули белки. Медведь с Волком причалили плот. Все стали прощаться.

— Славно прокатились, — сказал Волк, — только Щука была какая-то... странная.

— И Кот тоже! — добавила Лиса, прикладывая к глазу подорожник.

— Интересно, что Маша делала в чужих сказках? — спросил заяц Петрович. — И чем на этот раз закончилась история с Колобком?

Заяц Петрович стал заправским огородником. Капусты и морковки ему до следующего урожая хватало. И друзей он угощал. Даже Волк с Лисой были не прочь похрустеть морковкой. Волк однажды сказал, что это «прекрасный гарнир», при этом он как-то по-особенному взглянул на Федю и Петровича. Медведь заметил и пригрозил ему кулачищем:

— Ты что, серый нахал, глазами зыркаешь? Жуй свои консервы и не облизывайся.

— А что я? Я понимаю. В заповеднике живём, — сказал Волк. А себе под нос проворчал: «Уже и посмотреть, и облизнуться нельзя. Подумаешь».

Петрович задумал купить себе машину.

— А что, — мечтал он. — Засажу свою поляну до самой речки морковкой. Отвезу её в город. Настин Папа мне поможет. Он меня любит. Не зря же он меня выдумал. И продам я на рынке свою морковку. Её, экологически чистую, хехцирскую, с лапами оторвут.

— И с копытами, — добавил Федя.

— Куплю я себе на вырученные деньги красный педальный автомобиль с рулём и блестящими колёсами. И будем кататься по лесу.

— Покатаемся, — сказал Волк.

Прошёл год. Собрал Петрович свою морковь. Все ему помогли. И повёз, с Федей и настиным Папой, её на рынок. На рынке сразу собралась толпа. На зайца с кабанёнком все посмотреть хотят. Федя застеснялся и спрятался под прилавок.

— А вот лесная морковка! — заорал Петрович пронзительным голосом. — А вот дешёвая! А вот экологически чистая!

Покупатели так и кинулись. Морковку раскупили.

Пришли друзья в «Детский мир». А там машины! И синие, и зелёные, и жёлтые, и белые. Выбрал Петрович красную. Очень похожую на его мечту.

— Автомобиль для детей трёх-пятилетнего возраста, — сказал продавец. — Вам упаковать?

— Не надо, — сказал Петрович. — Мы своим ходом доедем.

Сел Петрович за руль, Федя рядом. Помахали они настиному Папе. И поехали! На педали по очереди нажимали. И руль по очереди вертели. Так неслись, что ветер в ушах свистел. Особенно в ушах Петровича.

К вечеру приехали в лес. Петрович включил фары. Красота! Кусты и деревья, как в сказке, разворачивались в луче света и уступали дорогу. Это Петрович рулил своими умелыми лапами.

— Ура! — закричали все звери, когда путешественники появились на поляне. Все гладили машину, заглядывали внутрь. Ложились на землю и рассматривали, как устроены педали. Спрашивали, сколько стоит, какая грузоподъёмность и про какие-то лошадиные силы.

— Силы у неё не лошадиные, а заячьи, или лисьи, или волчьи. Смотря кто на педали давит.

— А медвежьи? — спросил Медведь.

— Нет, Миша, ты машину раздавишь, — сказала Лиса.

— Ты можешь её на верёвочке возить. И тогда у неё будет медвежья сила. Одна, — сказал Петрович.

— Одна, зато какая! — обрадовался Медведь.

Утром все собрались у машины. Петрович сел за руль. И Федя всех сфотографировал. Снимок получился уникальный, то есть единственный.

Для начала Петрович прокатился по поляне туда-сюда. Объяснил, как рулить, как педали нажимать, как бибикать.

Растолкав всех, за руль уселся Волк. Сначала он проехал поляну, а потом повернул в сторону глубокого оврага.

— Стой! — закричал Петрович.

— Стой! Стой! — закричали все.

— Чё? — спросил, оглядываясь, Волк и выпустил руль. А этого как раз и не надо было делать! Бац! Трах! Хрясь! Блям! Дзынь-дзынь! И всё было кончено.

Волк отделался несколькими шишками разного размера. А от машины... от машины зайца Петровича осталась куча блестящего металлолома.

— Она была такая красивая, — сказал Федя.

— Я даже её не покатаю, — всхлипнул Медведь.

— Ну, Волчара! Ну, серый пень! — сказала всегда вежливая Лиса. — Я тебе этого никогда не прощу.

— Ладно, ладно. Не ссорьтесь, — вздохнул Петрович. — Пройдет зима, весна и лето. Будет новый урожай морковки. Купим мы новую машину. Ещё лучше этой.

— Эх, и покатаемся, — сказал Волк и присел, потому что получил по шее от Медведя.

ЗАЯЧИЙ ЦИРК

— Знаешь, Петрович, я завтра не пойду в цирк, — сказал кабанёнок Федя своему другу зайцу Петровичу. — Чего там хорошего? Одни дрессированные собаки да тигры. Не нравится мне всё это.

— По-моему, ты, Федя, боишься.

— А ты тигров видел? Зубы — вот такие! А собаки! Сколько их не дрессируй — они всё равно кусучие.

— Стыдно, Федя! Мы ведь с Машей идём. Она хоть и девочка, а не боится. Я заяц и не боюсь. А ты! Ты почти взрослый кабанёнок... А потом у нас двенадцатый ряд. Пока собаки и тигры до нас доберутся, они наедятся.

Рано утром умытые, причёсанные Петрович и Федя сели в автобус. Петрович держал в лапах большой букет васильков.

Кондукторша сказала пассажирам: «Обратите внимание на поросёнка и на зайца с васильками. Как вошли — сразу поздоровались и приобрели билеты. Не то что некоторые».

Возле цирка друзей ждала Маша. Она держала за руку Папу. Чтобы не потерялся.

— Петрович! Федя! Скорее! Уже два звонка было!

Только они вошли в цирк и сели — заиграла весёлая музыка. Ловкий дяденька стал ловить под куполом цирка летучую тётеньку. Она летала туда-сюда, как ополоумевшая от новостей Сорока. Потом все хлопали. Феде так понравилось хлопать, что он стал визжать от восторга. Потом выбежали маленькие-маленькие собачки с бантиками и стали играть в школу.

— Да они совсем не страшные, — обрадовался Федя. — Может, и тигры тоже будут маленькие?

Но тигры оказались БОЛЬШИЕ. Они рычали и били хвостами. Федя залез под скамейку и сказал, что ему оттуда всё хорошо видно. А Петрович зачем-то запрыгнул Маше на плечи.

— Уберите, пожалуйста, свою игрушку, — сказала задняя тётенька. — Мне эти уши совсем не интересны.

После тигров выступал Фокусник. Он вытаскивал из своей совсем-совсем пустой шляпы зайцев. За уши. Заяц Петрович был потрясён до глубины своей заячьей души.

— Это безобразие! — закричал он на весь цирк. — Так с животными нельзя обращаться!

— Это вам не плюшевые игрушки! — крикнул Федя.

И весь цирк посмотрел на них. Фокусник так удивился, что вместо зайца достал из шляпы очень колючего ёжика. Петрович передал свой букет Маше и отправился на арену. Федя за ним. На арене Петрович строго посмотрел на растерянного Фокусника снизу вверх.

— А если бы я сейчас вас достал за уши из шляпы? Вам бы это очень понравилось?!

Фокусник молчал. Зато весь цирк зашумел:

— Говорящий заяц! Говорящий заяц! Вот это номер!

— Ну и что? — сказал Федя. — Я тоже говорящий!

— Ничего особенного, — сказала какая-то тётенька. — Это такие электронные игрушки. Их в Японии делают.

— Обзывать, конечно, легко, — обиделся Петрович. — А вы вот так умеете?

И он высоко подпрыгнул и похлопал задними лапами по своим ушам. Федя, глядя на него, тоже перевернулся через голову. Все захлопали. Петрович поклонился и сказал другим зайцам:

— Ребята! Давайте покажем настоящий Заячий Цирк!

И тут такое началось! Зайцы скакали на Феде верхом и даже делали на нём пирамиду. Потом они жонглировали, танцевали и даже пели хором народные заячьи песни. Когда выступление закончилось, зайцев и Федю прямо засыпали цветами. Прибежал директор цирка и стал кричать непонятные слова: «Ангажемент! Турне!» Умный Петрович понял, что их с Федей приглашают работать в цирк.

— Нет, — сказал он, — мы с самого рождения работаем дикими зверями в заповеднике. Если там нас не будет, то и заповедника не будет. А потом уже вечер. Мне пора поливать капусту. До свидания.

Маша, Папа и все восторженные зрители проводили Петровича и Федю до автобуса. Половину его заняли букеты. Федя вручил огромный букет роз знакомой Кондукторше.

— Спасибо, — сказала она, покраснев, и добавила не своим, удивительно добрым голосом: — Вот бы все пассажиры были как этот поросёнок и этот зайчик.

— Понравилось тебе представление? — спросил Петрович Федю.

— Ничего себе. Особенно второе отделение, когда мы с тобой выступали, — ответил Федя.

ОСЕННЯЯ СКАЗКА

— Лето — веселее осени, а осень — красивее, хотя, конечно, и печальнее, — сказал кабанёнок Федя, глядя на звездопад и слушая, как шуршит листопад.

— Умный ты, Федя, — сказал заяц Петрович.

— Я так думаю, — сказал кабанёнок Федя, обрадованный похвалой, — пора морковку убирать.

— Пора, — согласился Петрович. Он допил чай и тоже стал смотреть в небо: — Смотри, звёздный ковшик как наклонился. Спать пора. Утром приходи, поможешь с морковкой управиться.

Ночью Петрович играл в гости у Маши в прятки и ловил говорящую рыбу. Только говорила она почему-то фединым голосом:

— Петрович, Петрович! Петрович!

— Ну я Петрович. Что надо? — сказал он и открыл глаза. В окно светило розовое утреннее солнце и заглядывал кабанёнок Федя.

— Петрович! Вставай скорей. Морковка ждёт не дожждётся.

— Ну и странный сон мне сейчас приснился! Ты, Федя, был рыбой. Говорящей.

— Сам ты рыба ушастая! Вставай!

Морковка осенью необыкновенно вкусная. Холодная и сочная. И ярко-ярко красная. И сладкая. И грызётся с таким весёлым хрустом: Хрась! Хрась! Хрась! Хрась! Хрась! Хрась! И нет морковки. Петрович и Федя похрустели, присев на кучу опавших листьев возле грядки.

— Как ты думаешь, Федя, Маша меня вспоминает? — спросил Петрович.

— Я думаю, вспоминает.

— А почему писем от неё так давно нет?

— Может, их сороки городские теряют? Они птицы бестолковые. Заболтаются и забудут. Ты ей сам напиши. Так, мол, и так. У нас осень. Федя помог мне убрать морковку.

Весь день они работали в огороде. А вечером Петрович сел писать письмо.

Он разгладил лапкой белую берёзовую кору, которая так и норовила свернуться в трубочку, и написал: «У нас осень. Светлячков уже нет. Медведи к спячке готовятся. В лесу шумно от листьев. Они облетают вместе со звёздами. И я всё время вспоминаю, как весело мы играли у вас на даче летом. Сегодня даже во сне это видел. Из семян, которые ты мне дала, выросло много морковки. И капуста удалась. Половину морковки я отдал Феде и Медведя угостил. Они передают тебе привет. Маша! — написал он, и на бересту что-то капнуло. — Скоро зима и ты уже не приедешь на дачу. — Петрович шмыгнул носом и промокнул письмо лапкой. — Приезжай к нам на Новый год и напиши мне письмо. Я очень, очень, — Петрович подумал и дописал ещё одно крупное, — **ОЧЕНЬ** соскучился».

Он подписался и отпустил бересту. Она тут же свернулась в трубочку. Петрович перевязал её красной ниточкой: «Завтра Сороке отдам. Пусть передаст городским сорокам. А эти проныры Машу обязательно найдут».

Интересно! Как только письмо было запечатано, Петровичу сразу стало хорошо и спокойно. Он стал смотреть, как бесшумно чиркают по небу звёзды-паданцы. И падали они прямо на свежескопанный огород Петровича.

— Интересно, что может вырасти из озимых звёзд? — подумал Петрович. — Наверно, светлячки.

ДЛЯ ПИСЕМ ОТ

НОРМАЛЬНАЯ СКАЗКА

Костёр уже догорал, из вечернего он превращался в ночной. Звери уже напились чая, но расходиться не хотели.

— Петрович, расскажи сказку, — попросил кабанёнок Федя своего друга зайца Петровича.

— Про что? — спросил Петрович, зевая.

— Про колбасу, — быстро сказал Волк.

— Только не про колбасу! Только не про колбасу! — заволновался Федя. — Расскажи нормальную сказку.

— Да, пусть будет нормальная сказка, только пусть она всё-таки будет с колбасой. Твёрденькой такой, копчёненькой, — настаивал Волк.

— Нет! Нет! Нет! Думаешь, я не помню, как ты меня сервелатом обзывал?!

— Не ссорьтесь, — сказал Медведь, — рассказывай, Петрович, свою сказку. А вы двое, не перебивайте.

— Только пусть сказка будет нормальная! — Федя налил себе ещё кружку чая и отсел от Волка подальше.

— В одной нормальной стране жил-был нормальный Царь. Всё семейство у него тоже было нормальное. И все жители страны были тоже абсолютно нормальные.

— Хорошее начало, — сказал Федя и положил в чай шесть ложек малинового варенья.

— И все жители этой страны мечтали...

— О колбасе? — с надеждой спросил Волк.

— Ну, ладно, — согласился Петрович, — они мечтали о колбасе. Чтобы было этой колбасы навалом и чтобы можно было есть её от пуза, когда только захочется.

— Нормальная мечта, — сказал Волк.

— И вот однажды мечта их исполнилась. Пошёл дождь. Но дождь был не обыкновенный. Это был колбасный дождь из длинной такой, крепкой, сухой, совсем без сала, Федя, копчёной колбасы.

Федя насупился и отвернулся к тёмному лесу.

— И всё было бы ничего, но дождь не кончался. К тому же накрапывал он почему-то с... вилками, о которых никто не мечтал. Скоро стало совсем невозможно жить. Мало того, что все улицы покрылись толстым слоем колбасы, из-за вилок постоянно приходилось держать над головой железные зонтики. Уже давно все исполнили свою мечту — наелись и объелись этой колбасой, а колбасный дождь всё шёл и шёл, шёл и шёл.

— Так всегда бывает, — сказал Медведь. — Мечтаешь, мечтаешь, а потом... как наешься! Так наешься, что заснёшь, и от мечты ничего не останется.

— А что было дальше? — спросила Лиса.

— Царь собрал своих подданных и сказал: «Надо что-то делать! Мы не успеваем убирать свою мечту с дорог. Скоро нас совсем завалит колбасой. И по реке идёт сплошной колбасоход. От этого чай такой противный! Я уже не говорю про вилки! В общем, что-то надо срочно придумать!»

«Надо начать мечтать о чём-нибудь другом. Клин клином вышибают», — предложил самый мудрый.

«Давайте мечтать о сыре. Он полегче и не так будет больно колотить по голове», — предложил Царь...

— Хорошая мечта, — улыбнулась Лиса.

— Не такая уж она и хорошая, — возразил заяц Петрович. — Представляете, город до крыш завален скользким, растоптанным сыром.

— Пусть тогда мечтают о маленьких таких, вкусеньких желудях, — не утерпев, предложил Федя.

— Ну да, хорошо придумал, очень нужны им твои жёлуди! — фыркнул Волк.

— Что же делать? — спросил Медведь зайца Петровича.

— Сам не знаю! Совещались они, совещались и ничего не придумали. Тогда Царь обратился к своим подданным: «Слушайте мой царский указ! Кто первый придумает выход из нашей безвыходной ситуации, получит мою корону и всё царство в придачу». Так все нормальные цари поступают в нормальных сказках. И тут царский сын, царевич Ваня, говорит: «Надо мечтать не о еде. Надо мечтать о чём-то возвышенном».

«А что это такое?!» — удивился Царь.

«Да! Да! Что это такое?» — удивились все его подданные.

«Ну, например, давайте все вместе мечтать, чтобы завтра была хорошая-хорошая погода и от этого у всех-всех будет хорошее-хорошее настроение, и все-все от этого станут добрые-добрые, и полюбят друг друга, и от этого...»

«Понял, понял, — закричал Царь. — Сынок, иди-ка скорее сюда». Он быстро снял корону и надел её на голову своему сыну Ване.

На другой день выглянуло солнышко. И всем стало очень хорошо, как в самой счастливой сказке.

— Всё? — спросил Федя и зевнул.

— Всё! — ответил Петрович и тоже зевнул.

— Занудная сказка получилась. У меня всегда от морали в животе тоскливо делается, — проворчал Волк.

И вдруг... бац! На его голову свалился здоровенный колбасный батон. Волк потрогал шишку на макушке, подхватил батон и быстро побежал домой, прикрывая голову лапой.

— Один уже домечтался, — сказала Лиса и вдруг ойкнула, чуть не упав в костёр, потому что по спине её шмякнуло шикарной жареной курицей. — Кажется, начинает накрапывать курами, — сказала Лиса, потирая спину. — Спать пора.

Все согласились.

ТИГРИНАЯ СКАЗКА

Папа собрал краски, холсты и сказал, что едет в Сказочный лес на этюды:

— Буду рисовать осеннюю красоту.

— И я с тобой! — сказала Маша.

— Ты будешь всё время почемучить, отвлекать, а мне работать надо.

— Я тоже буду работать. Вот мои карандаши. Зелёный — для травы. Синий — для неба. Красный — для солнца. А жёлтый и чёрный — для Тигра.

— Ты думаешь, мы увидим Тигра?

— Обязательно увидим, и я его нарисую. Я возьму с собой нашего Котёнка. Пусть познакомится с родственником.

Как только Маша и Папа приехали в Сказочный лес, Котёнок стал говорящим и приставучим.

— Маша, покажи Тигра! Маша, а он большой? Маша, а скоро будет Тигр? Маша, а уже сейчас? Маша, а ещё нет?

Маша отвечала, отвечала, а потом спрятала Котёнка за пазуху: «Пусть спит».

Папа оставил Машу играть с зайцем Петровичем и кабанёнком Федей, а сам с Медведем пошёл рисовать листопад. Медведь стал потряхивать берёзу, а Папа быстро-быстро рисовать летящие листья. Когда наступил вечер и все листья кончились, оказалось, что на картине нарисована берёза без листьев и обнимающий её Медведь.

— Хорошая картина, — сказал заяц Петрович. — Только печальная. Стоит одинокая берёза, на вершине одинокий листик, и Медведь тоже одинокий-преодинокый. На меня это навевает грусть.

— И на меня тоже навевает, — согласился кабанёнок Федя. — Давайте назовём картину «Осеннее одиночество».

— Если бы меня нарисовали с одинокой бочкой мёда, я был бы не такой печальный, — сказал Медведь.

— А когда придёт Тигр? — спросила Маша.

— Да, когда он придёт? — спросил Котёнок, выглядывая из отворота машины куртки.

— Раз он из нашей сказки, то обязательно придёт, — сказал заяц Петрович. — Как же ему не прийти?

Услышав о Тигре, Федя сразу засобиравлся домой.

— Я тигров уже видел. В цирке. Очень интересно. Но больше почему-то не хочется. До свидания.

Папа разжёл костёр, и все уселись в кружок. Сидели, ждали Тигра и смотрели на оранжевый трескучий огонь.

— Хотите, я расскажу вам охотничью историю? — предложил Медведь.

— Расскажи, — согласились все.

— Иду я однажды по лесу. Смотрю, под дубом три охотника лежат. Вот так история, подумал я и подкрался поближе. Слышу, один хвастается: я, говорит, уже десять медведей завалил. Вот! Другой: а я! Я — пятьдесят! Да что там, говорит третий, я этих медведей и считать перестал. Всё время заваливаю и заваливаю...

Встал я тогда над ними во весь рост, поднял лапы и говорю: «Ах вы, браконьеры! Попались! Где ваши документы?» Они хотели расползтись в разные стороны, но я их сгрёб в одну кучу вместе с ружьями и отнёс к леснику. Пусть он сам с ними разбирается.

— Очень охотничья история, — сказал Тигр. Все так и уставились на него. Когда он подошёл к костру и сел в общий круг, никто и не заметил. Тигр был очень красивый, очень большой и очень печальный.

— Совсем плохо стало жить, — сказал он. — Вы знаете, сколько стоит моя шкура? Пятьдесят тысяч долларов. От этого все браконьеры прямо озверели. Так и норовят её с меня содрать. Не знаю, как только я до вас живым добрался.

Тигр тяжело вздохнул. Костёр от этого зашатался. Котёнок подошёл к тигру и лизнул его огромную лапу.

— Привет, — сказал Котёнок.

— Привет, — ответил Тигр. — Вот бы мне стать таким маленьким. Тогда бы моя шкура подешевела, и спрятать её было бы полегче.

— Папа! Папа! Сделай его маленьким! — стала просить Маша. — А то его браконьеры истребят.

— Ну, раз он сам этого хочет... — сказал Папа.

И Тигр вдруг стал размером с Котёнка. Котята лизнули друг друга и потёрлись мордочками.

— Ты поедешь к нам домой? — спросила Маша.

— Поеду, — сказал Тигр и улыбнулся.

— Вот здорово! Я тебя тогда нарисую с натуры со всеми твоими полосками.

Она посадила Тигра и Котёнка за пазуху. И они пошли с Папой по шуршащим осенним листьям к автобусной остановке.

ПЕТРОВИЧ И ЛЮБОВЬ

Заяц Петрович сидел возле своего домика с ушами и смотрел на двойной закат. Один висел в небе, а другой отражался в речке. Его друг кабанёнок Федя смотрел в другую сторону на первую звезду.

— Хочешь не хочешь, надо завтра в город ехать, — вздохнул Петрович. — Письмо от Маши получил. Настя влюбилась.

— В кого? — спросил Федя.

— В рокера она влюбилась. Вот в кого.

— А что такое рокер?

— Сам не знаю. Знаю, что зовут его Паша. Кличка у него то ли Чебурашка, то ли Черепашка. Ты же знаешь машин почерк. Надо ехать на месте разобраться. Может, помощь какая нужна.

— Как ты там, Петрович, разберёшься? Любовь не картошка и не морковка и даже не капуста. Правда, говорят, что в капусте детей находят, которых потом любят. Но я в это не верю. Это сказки для маленьких.

— Нет, надо ехать. Я гостинец приготовил. Так что ты, Федя, пожалуйста, полей вечером мою капусту. Будь другом.

— А ты привет Маше передавай. И Насте... если она меня помнит.

Утром Маша услышала знакомый стук в окно. Глянула: Петрович!

— Здравствуй, — сказал Петрович. — Открой-ка окно пошире и отойди в сторону.

Он разбежался и раз — уже посреди комнаты.

— Тебе привет от Феди. А это гостинец из леса, — Петрович вручил Маше корзинку с ягодами. — А Настя дома?

— Никого нет. Пошли чай с твоей земляникой пить.

— Пойдём. Настя-то, наверно, совсем большая? Не узнаешь её? — спросил Петрович, подвигая к себе чашку.

— Да. Настоящая тётенька. У неё уже первая любовь. А ты как живёшь?

— В лесу дел много. То приключения начнутся, то капусту надо полить, то морковку прополоть.

И вдруг в замке повернулся ключ. Дверь открылась, и вошла тётенька, очень похожая на Настю, но одетая как дяденька. На голове у неё был пиратский платок, в ушах много колечек и цепочек.

— Привет, Мала́я, — сказала тётенька.

— Настя! А у нас заяц Петрович в гостях.

— Да? — сказала тётенька и первым делом заглянула в холодильник. — Так. Сыра нет. Сметаны нет. Понятненько.

Она глянула на стол:

— Малая, а откуда такая прикольная ягода?

— Да я же говорю! Заяц Петрович из леса привёз!

— Играешь? Ну, играй, играй, — сказала бывшая девочка Настя и отсыпала горсть ягоды: — Какой знакомый вкус. Словно из детства.

— Маша, — прошептал Петрович, — мне кажется, она меня не видит.

— Мне тоже так кажется.

Петрович подпёр голову лапой и вздохнул:

— Я для неё больше не существую. Я её вижу, потому что люблю, а она меня — нет. Потому что забыла.

— Какой знакомый вкус, — повторила тётенька Настя и ещё раз щедро насыпала себе ягоды: — Так говоришь, Петрович приехал? Ну и как у него дела?

— Да вот же я! Посмотри на меня! — со всей мочи закричал Петрович.

Настя медленно повернула голову и вдруг глаза её стали расширяться.

— Прикол, — сказала она. — Заяц! И правда, заяц Петрович! Какой же ты смешной! И маленький! Ну, не стесняйся, не стесняйся.

Она посадила Петровича на колени и осторожно погладила его уши, а Петрович прижался к ней всем телом.

— Теперь это мой заяц, — сказала Маша. — Отдай.

— Его папа для меня придумал. Значит, он мой навсегда, — ответила Настя.

— Ты теперь не его любишь. Ты своего рокера Пашу-Черепашу любишь. Отдай!

— Не отдам!

— Не ссорьтесь. Я — ваш. А вы — мои. Мы все из одной сказки. Скажи, Настя, а кто такой твой рокер Паша-Черепаша?

— Черепашка, — поправила Настя. — У него кличка Черепашка. Он гитарист. Играет рок. Я тоже играю на гитаре и пою. Только я пою авторскую песню. Но Паша-Черепашка не любит авторскую песню.

— А ты этого рокера любишь? — ревниво спросил Петрович.

— Да.

— И авторскую песню любишь?

— Люблю.

— А Чебурашка... ой, прости, Черепашка твою авторскую песню не любит?

— Не любит, — печально ответила Настя.

— Какие сложные отношения, — вздохнул Петрович. — Ну, а меня ты любишь, Настя?

— Конечно, люблю.

— Я тебя тоже, — сказал Петрович. — С тобой мы сразу разобрались. А со своим Чебура... ой, Черепашкой ты разбирайся без меня.

— Ты хороший, Петрович, — сказала Настя.

Петрович возвращался домой последним автобусом. Луна вприпрыжку бежала за синим окном. И звёзды от нее не отставали.

— Всякие рокеры пройдут, а я... я останусь, — подумал Петрович и улыбнулся. — Потому что я часть Машиного и Настиного детства. А память детства — это самое дорогое. Спросите любого старичка. А если Папа моих девочек меня с друзьями запишет и зарисует хорошо, то меня узнают другие дети...

Так мечтал заяц Петрович в ночном автобусе, несущемся среди звёзд в Сказочный лес.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Петрович	5
Прикормил	8
Охота	10
Три желания	14
Наваждение	16
Новогодняя сказка	18
Петрович и правдивые куры	22
Карнавал	25
Впервые в городе	27
Забытые	29
Маша в Сказочном лесу	31
Хороший день	34
Полёт из «весёлой» ямы	37
Весенняя сказка	40
Большое путешествие	42
Машина	46
Заячий цирк	50
Осенняя сказка	52
Нормальная сказка	56
Тигриная сказка	59
Петрович и любовь	61

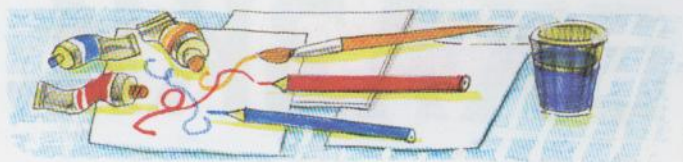

УДК 882(024.7)

ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

Л 48

Художник *А.П. Лепетухин*

Лепетухин А.П.

Хехширские сказки / ил. авт. — Москва, 2011 — 68 с.

ISBN 978-5-8443-0092-9

Герои «Хехширских сказок» — заяц Петрович, кабанёнок Федя, Медведь, Волк, Лиса, Сорока живут в заповеднике и становятся участниками волшебных приключений. Они охотятся, общаются с Золотой Рыбкой, выращивают правдивых кур, лепят снеговиков, занимаются йогой, отправляются в путешествие по знаменитым сказкам, выступают в городском цирке. В сказках без назидательности рекомендуется, как ребёнку нужно относиться к живой природе, к окружающим его людям.

Издание содержит иллюстрации, созданные самим автором, поэтому внешние персонажи Хехширской тайги полностью соответствуют замыслу рассказчика этих волшебных историй. Сказочные образы персонажей корнями уходят в жизненную основу, содержат эмоциональную силу воздействия на зрителя.

ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

9 785844 300929

ISBN 978-5-8443-0092-9

© Лепетухин А.П., 2006

© Лепетухин А.П., иллюстрации, 2006

Сопка двух братьев

Дача Нasti
и Маши

Цирк

Парк имени Гагарина

ХЕХЦИРСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

Домик
зайца Петровича

Главная поляна

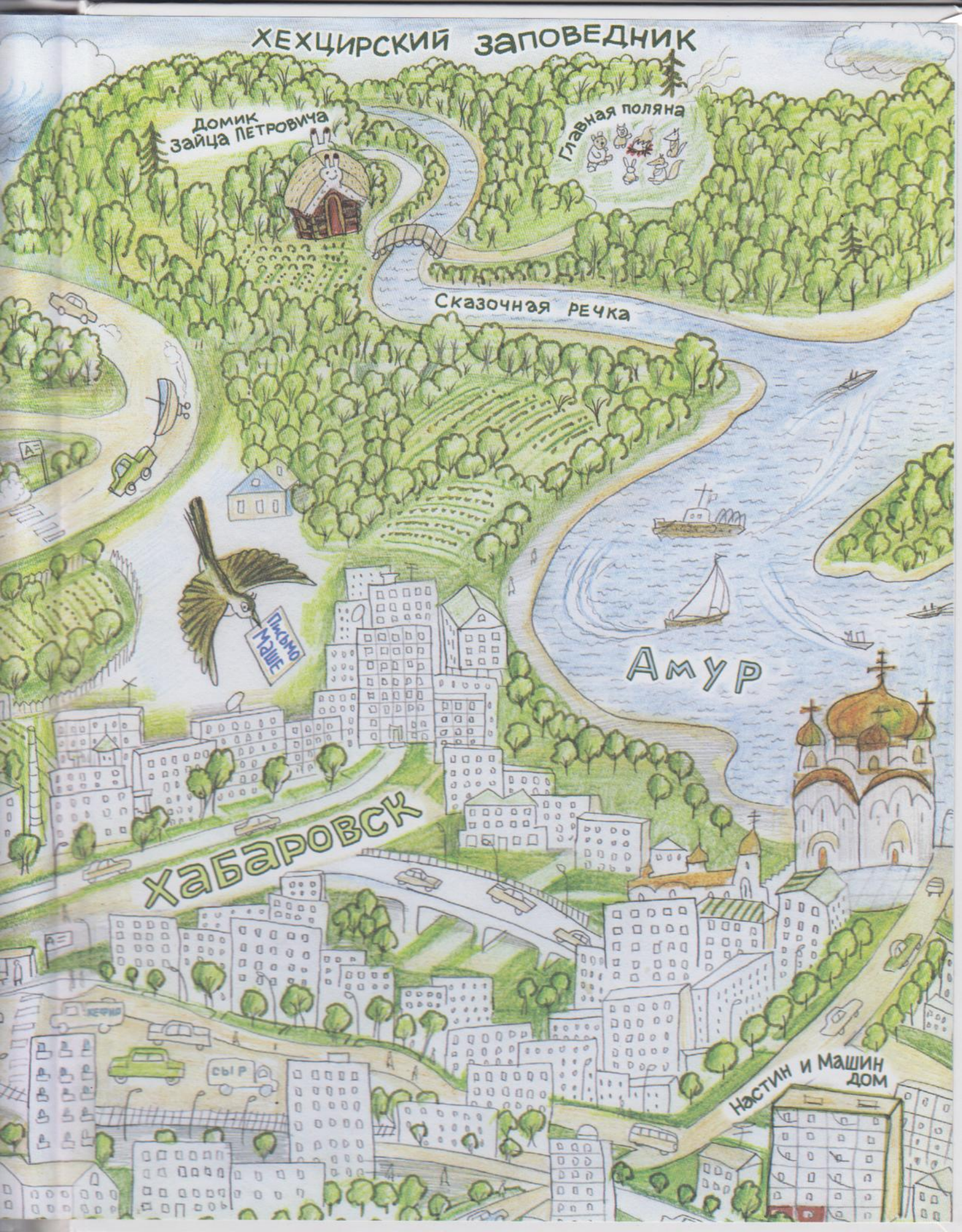
Сказочная речка

Амур

Хабаровск

Настин и машин дом

Письмо
Маше

ОТ АВТОРА

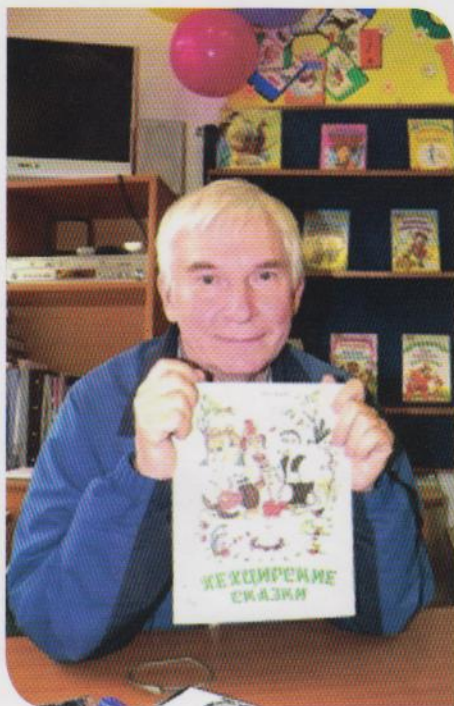
Когда у меня появилась дочка Настя, я стал рассказывать ей перед сном сказки про зайца Петровича и его друзей.

Герои сказок и некоторые их приключения достались по наследству второй моей дочке Маше.

Большинство тех сказок давно забыты, но некоторые запомнились. Я их записал и зарисовал, чтобы они поселились в этой книге.

Конечно, это детские сказки, но поскольку над ними смеялись мама моих девочек и многие мои друзья, их могут прочитать взрослые. Те, которые не забыли своего детства.

А. Лепетухин

Уроженец г. Николаевска-на-Амуре, А.П. Лепетухин в 1971 г. окончил художественно-графический факультет Хабаровского педагогического института, работал учителем живописи и рисования в детских художественных и общеобразовательных школах. В настоящее время преподает на кафедре изобразительного искусства Дальневосточного государственного гуманитарного университета, является автором нескольких учебных пособий для студентов.

С 1989 г. состоялось около 10 персональных выставок А.П. Лепетухина, в том числе в Читинском областном художественном музее, Дальневосточном художественном музее и картинной галерее им. А.М. Федотова в г. Хабаровске, галерее современного искусства «АртЭтаж» в г. Владивостоке и др. Его работы экспонируются в Германии, Испании, Канаде, США, Японии, многие из них переходят в музейные и частные коллекции. Тематика творчества художника многообразна: портреты, пейзажи, иллюстрации. Последние 10 лет он работает над циклом картин «Путь», в основе которого лежат сюжеты из Евангелия.

Кроме живописи и рисования А.П. Лепетухин занимается литературой: пишет сказки, статьи об искусстве и деятелях культуры (художниках иконописцах, поэтах и др.), раскрывающие разнообразие современной художественной жизни г. Хабаровска и края. Он – автор и иллюстратор детских книг: «Ехала деревня мимо мужика» (1989 г.), «Хехцирские сказки» (2007 г.); стихов Даниила Хармса (2009 г.) в соавторстве с художником Ю.Дунским.

За успехи в области литературы, искусства и научной работы А.П. Лепетухин не раз отмечался наградами и дипломами Минкультуры России, Союза художников и Союза писателей России, администрации г. Хабаровска и др.